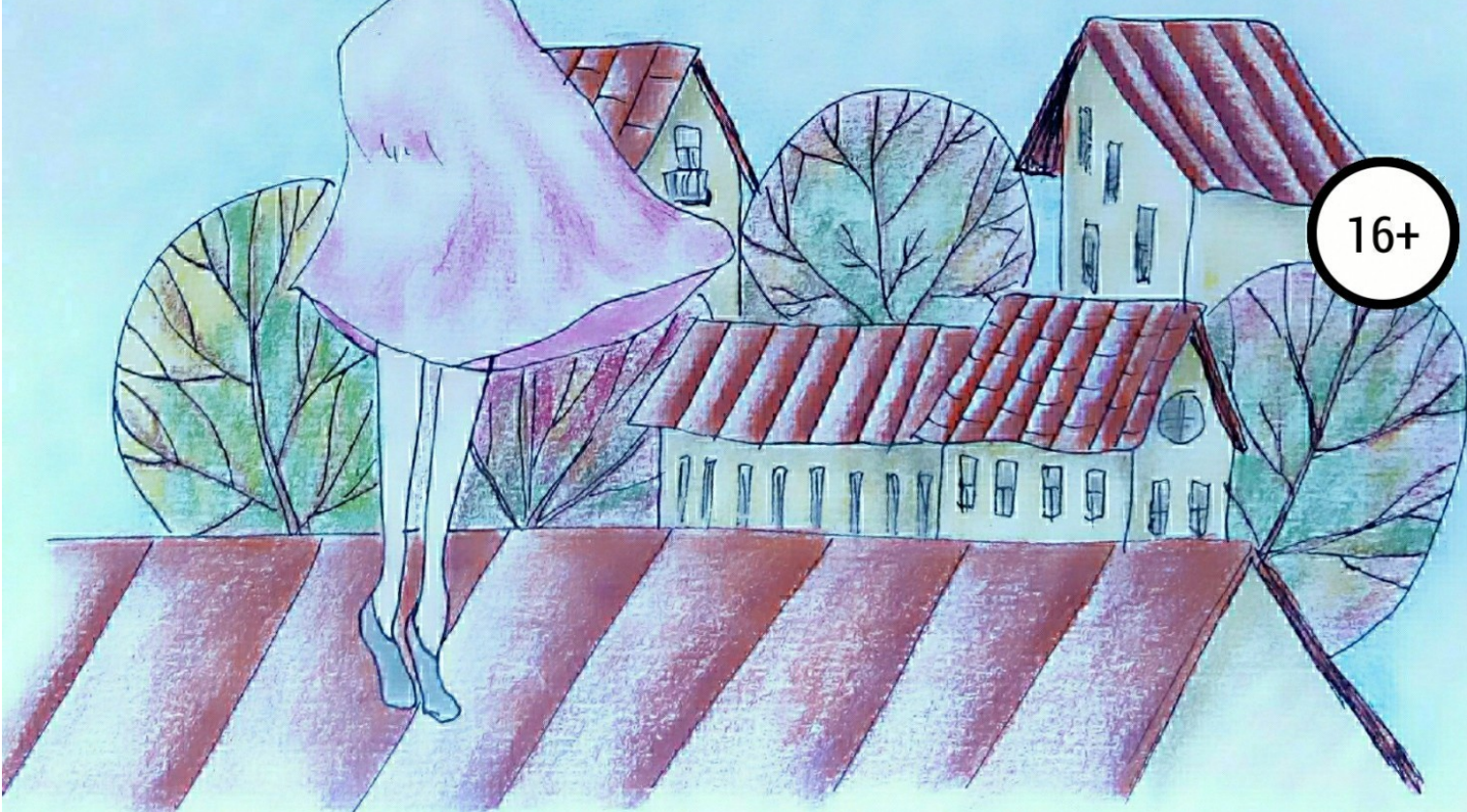

Елена Гулик

Исключение
из
правила

16+

Елена Гулик

Исключение из правила

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Гулик Е. И.

Исключение из правила / Е. И. Гулик — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

ISBN 978-5-5321-2093-8

Работа в вузе – интересная, очень своеобразная, но нервная. И все из-за начальницы с отвратительным характером. Однако все меняется в одну минуту, когда происходит убийство... Инга – умная, молодая женщина с потрясающей интуицией – сотрудница Юридической Академии, – попадает в эпицентр событий, первой оказавшись на месте преступления. Все очень запутанно, приходится подозревать всех. Неужели лучшая подруга может быть замешана? Инга решает все выяснить сама. Неожиданно для самой себя она влюбляется в известного писателя Матвея Серебрянского, который оказывается в этой истории для написания своей будущей книги. И, кажется, он может помочь ей...

ISBN 978-5-5321-2093-8

© Гулик Е. И., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Наименование иллюстрации на обложке: Поймай, если сможешь.
Автор иллюстрации: Елена Свидзинская.
Рисунок выполнен под заказ.

Исключение из правила

*Невозможно всегда быть героем,
но всегда можно оставаться человеком.*
И.В. Гете

Новогодние зимние каникулы закончились. Первый рабочий день после праздников не предвещал ничего радостного. Разве что встречу с подругой, за которой Инга соскучилась и которую не видела почти две недели.

Инга бродила по цветочному магазину и кисло рассматривала букеты – нужно было выбрать один, чтобы поздравить с днем рождения директора филиала Академии, в которой она работала. Это почетная миссия была поручена ей непосредственным начальником. Настроение было отвратительным по нескольким причинам. Во-первых, утром Инга немного проспала, поэтому не успела даже выпить привычной чашки кофе, во-вторых, в кране не оказалось горячей воды, и пришлось кое-как умываться холодной, что в середине января было совершенно неприемлемо. Ну, и в-третьих, букет она выбирала совсем не для того человека, которому его хотелось бы подарить, поэтому выбрать было сложно. Алиева Изольда Викторовна – директор частной Юридической Академии – не только не вызывала никакого желания дарить ей что-либо, но и вообще к дружелюбному отношению не располагала и симпатии не вызывала. В Академии она появилась недавно как протеже учредителя, и уже успела всем изрядно надоесть – характер у нового директора был скверный. Профессиональными знаниями она не отличалась, зато положение, позволяющее ей «строить» всех и каждого использовала в полном объеме. Единственным ее безоговорочным достоинством была внешность. Алиевой было около тридцати лет, и она была настоящей красавицей – высокая, стройная, жгучая брюнетка с потрясающим шасси. Природа наделила ее прекрасной внешностью и... склочным нравом.

Наконец, устав от бесплодных хождений, Инга выбрала семь темно-красных роз, внутренне борясь с искушением попросить восемь, и полезла за кошельком. Расплачиваясь с улыбающейся продавщицей, она услышала вибрирование телефона в кармане, и, вынув его, определила, что звонит шеф. Тяжело вздохнув, она взяла трубку и, не дожидаясь грубых высказываний из нутра телефона, быстро произнесла:

– Павел Сергеич, здравствуйте, я скоро буду.

– Где вы, Инга? – уже половина десятого. – Голос был нетерпеливый, но не злой и Инга слегка расслабилась.

– Покупаю цветы. Уже купила. Через пятнадцать минут буду на месте.

– Я хотел вас предупредить – сегодня совещание, и Алиева решила его провести в нашем кабинете. Попасть на совещание вы уже не успеваете, поэтому не врывайтесь, когда будете «на месте».

– Поняла, спасибо, если что, я буду у Анны Александровны.

– Очень хорошо. – Коротко ответил шеф и отсоединился.

Инга сунула телефон в карман, пробормотала «спасибо» и, схватив букет, двинулась к остановке.

Маршрутка подъезжать не спешила, и к тому времени, когда Инга его дождалась, пальцы отмерзли настолько, что казались непригодными деревяшками. Все-таки к двадцатиградусным морозам наши пальцы, а вместе с ними уши, носы, щеки и ноги не приучены!

Наконец, подъехав к нужной остановке, Инга вместе с другими пассажирами вывалилась из маршрутки. Если бы она знала, чем закончится этот так неудачно начавшийся день, она бы предпочла поехать куда угодно, только не на работу. Но знать этого она не могла, поэтому, перехватив сумку поудобнее, Инга заспешила в сторону Академии.

***

Анечка Линеева пришла на работу пораньше. Перед этим она забежала в магазин, чтобы купить продукты для вечернего фуршета в честь рождения начальницы. К тому же, у Алиевой на половину десятого утра было назначена планерка, и, как хороший секретарь и ответственный работник, в первый трудовой день после праздников Аня хотела быть во всеоружии: протереть пыль, проветрить кабинет, полить цветы, обзвонить забывчивых сотрудников, и осуществить множество других, не менее важных, ежедневных обязанностей, особенно актуальных после каникул. Алиева позвонила очень рано – Аня только выходила из дома – чтобы сообщить, что совещание состоится в кабинете ИАО – информационно-аналитического отдела, поскольку присутствовать должны «все руководители подразделений» – а ее кабинет для этого маловат. К тому же, в половине одиннадцатого приедет ректор, и если планерка к этому времени не закончится, Анна Александровна должна провести его в кабинет, напоить кофе и не давать ему скучать.

– Ну и подготовку там все – конфеты, бутерброды, все как положено, – сварливо окончила Алиева.

– Хорошо, Изольда Викторовна. Все сделаю.

Аня зашла в кабинет Алиевой, прошлась тряпочкой по столу, подоконнику и полочкам, приоткрыла окно, чтобы впустить свежего воздуха и на мгновение взяла в руки бронзового тигра, подаренного директорше сотрудниками на Новый год. Подарок, с одной стороны, обещал его получательнице удачу в наступающем году тигра, а с другой, довольно красноречиво намекал ей на то, что она олицетворяет в сознании подчиненных. Тигр был тяжелый, гладкий, очень приятный на ощупь и очень нравился Ане. Звериный оскал открывал кинжально острые зубы. Вся поза тигра говорила о том, что ему неведом страх, который он навевает на окружающих. Аняте тигр очень нравился – ей казалось, скульптор очень удачно отобразил в своем творении звериную сущность хищника. Она немножко полюбовалась им, погладила пальцем бронзовую спинку и поставила его на место. Внимательно осмотревшись и убедившись, что все в порядке, она вышла в приемную и «села» на телефон. Нужно было позаботиться об организации посадочных мест, всех уведомить, все устроить. Информационно-технический отдел располагался в помещении бывшей аудитории и как нельзя лучше подходил для «массовых» собраний.

Была и еще одна причина, по которой Аня хотела прийти пораньше. Но признаваться себе самой в этой самой причине ей не хотелось. На серьезных деловых совещаниях зачастую присутствовал сам Сапронов Сергей Викторович – учредитель Юридической Академии и очень состоятельный человек. Непосредственного отношения к Академии он не имел – занимался своим бизнесом, но в важных мероприятиях участвовал.

Аня познакомилась с ним поближе на день учителя, когда Академия заказала для профессорско-преподавательского состава и административного персонала ресторан. Сергей Викторович показался Ане очень нормальным, очень своим, несмотря на серьезный, строгий и недостижимый вид. «Звездной» болезнью не страдал и вообще оказался мировым мужиком. Поднимал тосты, смеялся, сыпал шутками и от «простого человека» не сторонился. К середине празднования как-то случайно он оказался сидящим рядом с Аней. Вопреки привычно-небрежному отношению к сотрудникам, Сергей оказался вежливым, предупредительным и тактичным. Сапронову было около сорока лет, видимо раньше он занимался спортом – не каждый молодой мужик мог похвастаться такой спортивной и подтянутой фигурой. Живые

темно-карие глаза весело смотрели из-под густых темных ресниц, и Анечке, мгновенно и как-то окончательно влюбившейся в этого приятно пахнущего, эффектного мужчину, не хотелось отводить от него восхищенных глаз. К сожалению, Аня заранее знала, что рассчитывать ей не на что. Сергей Викторович был «прочно занят» директором Алиевой Изольдой Викторовной. И если бы нерешительной Анечке даже пришло в голову привлечь к себе внимание Сапронова, то становиться на пути Изольды она бы не рискнула. И, тем не менее, она с замиранием сердца ждала каждого события, благодаря которому Сапронов мог появиться в Академии. Вообще-то говоря, любые мероприятия, проводимые в Академии – а таких было довольно много, Аня не любила. Раньше. Как правило они требовали дополнительных усилий, а прилагать их в каждодневной, и без того насыщенной и напряженной жизни, у нее не было не малейшего желания. И все же это было раньше. Теперь любого повода для возможного присутствия Сапронова Аня ждала надеждой и затаенной радостью. Вдруг придет? Вдруг я его увижу? Вдруг посмотрит в мою сторону не только для того, чтобы попросить кофе?.. Аня знала, что надеяться и радоваться бесполезно, но все равно надеялась и радовалась. Экспериментировала с макияжем, делала прически, старательно одевалась, критически оглядывая себя в зеркало. Глаза голубые – красивые, выразительные. Короткая стрижка подчеркивает правильную форму лица, и новое платье сидит сногсшибательно. Эх, если бы еще не праздники! А то вроде лишние килограммчики нарисовались – видны и слева и справа, да, пожалуй, спереди и сзади видны тоже!

Но вместе с Алиевой, ворвавшейся, как вихрь в приемную, Сапронов не вошел, а ведь было логичным предположить, что именинницу он сегодня привезет сам, учитывая, что приезжает ректор и его присутствие почти не вызывает сомнений. «Может, все-таки еще придет», с надеждой и грустью подумала Аня, машинально просматривая папку с документами на подпись.

***

Юридическая Академия занимала новое здание, которое было возведено четыре года назад, и располагалось в исторической части города, с южного края Ратушной площади. Ориентировка фасада здания совпала с расположением здания городской биржи, которое находилось на этом месте в первой половине двадцатого века. Архитекторам удалось создать академическую, но вместе с тем, и слегка неформальную обстановку. Инге здесь нравилось – уютно и вместе с тем просторно. Она взбежала по ступенькам и вошла внутрь.

– Здравствуйте, Петрываныч, – скороговоркой произнесла она, задыхаясь от быстрой ходьбы.

– И тебе не хворать, Инга Вячеславовна, – улыбнулся в ответ дядя Петя, которого в «прайм-тайм» все именовали Петрыванычем, а в более спокойное время дядей Петей. Петр Иванович был удивительным человеком. Ему было около семидесяти, но, несмотря на столь почтенный возраст, на пенсию его отправлять никто не спешил. Уж очень он был ответственный и незаменимый.

– Не лети уж так, совещание в разгаре, – рассудительно заметил Петр Иванович и углубился в изучение газеты.

Инга глубоко вдохнула, потом выдохнула, чтобы восстановить дыхание, и спокойным шагом пошла по коридору. Из-за неплотно прикрытой двери в собственный кабинет раздавался уверенный и звучный голос Вишенской:

– ...решение этих вопросов. Теперь по поводу аудиторий. Степан Валентинович, что у нас в двести пятой?

В ответ донесся слегка приглушенный голос завхоза:

– Все готово, Изольда Викторовна. Ремонт закончен, Вера Петровна уже помыла полы и привела все в порядок.

– Очень хорошо. Саша, готовься, будешь принимать компьютеры. Кстати, когда их привезут?

Системный администратор Александр Ивановский что-то ответил, но Инга не разобрала, что именно. Она усмехнулась, прикрыла дверь плотнее, и без стука вошла в кабинет напротив.

– Привет!

– Привет, ты что, только пришла? – Аня Линеева с радостью оторвалась от своих грустных мыслей.

– Да, Алиевой букет покупала. Тяжкое испытание. – Инга подмигнула подруге, разматывая на шее шарф.

– Тот еще праздничек... – Аня, сделав гримасу, усмехнулась в ответ.

– Я дубленку к тебе в шкафчик повешу, ладно? И цветочки пока у тебя поставлю. Ваза на кухне?

– Конечно. Со стороны будет странно выглядеть, если ты сейчас пойдешь все это делать в своем кабинете, – ответила Аня и обе негромко засмеялись представившейся картине.

Секретарь и ответственный работник щелчком мыши развернула пасьянс «Косынка» на компьютере, свернутый привычным жестом при звуке открываемой двери, а Инга пошла пристраивать дубленку. Шкафчик удобно располагался на небольшой кухонке прямо в приемной. Вообще, здесь все было устроено очень удобно. Из коридора посетители попадали в приемную. По левую руку располагался кабинет директора, а по правую – сперва дверь в небольшую кухню, предусмотренную специально для директора, а точнее, секретарши, которая там хозяйничала, а следом еще один небольшой кабинет – заместителя директора филиала Вишенской Светланы Васильевны. Светлана Васильевна была молодой, интересной, умной и очень интеллигентной женщиной с выразительным взглядом и каштановыми волосами.

Поставив розы в высокую вазу, Инга повесила дубленку, закрыла дверцы и вышла в приемную.

– Слушай, давай кофе попьем? Я сегодня не успела. Или ты уже? – спросила она у Ани и присела на одно из кресел для посетителей, прямо напротив секретарского стола.

– Давай, я сейчас сделаю, – без особого энтузиазма согласилась Аня и вышла на кухню. К тому времени, когда она вернулась с двумя чашечками ароматного горячего кофе, Инга уже ответила на два звонка и пообщалась со студентом, который принес заявление об отсрочке оплаты за учебу.

– Ты чего грустная такая? – спросила Инга, отпивая по глоточку огненную жидкость и с тревогой посматривая в лицо подруги.

– Да так... – уклончиво ответила та. – Кто звонил?

– Чепуха, спам. Сначала жалюзи, потом услуги по чистке ковров. И все-таки? Ты красивая такая сегодня, вообще очень хорошо выглядишь.

– Спасибо, конечно. Жаль, это заметила только ты, – угрюмо произнесла Аня, даже не улыбнувшись.

– Понятно. Сапронов, что ли, не приехал?

– Не приехал.

– Не расстраивайся, может, приедет еще. Раз Константинов здесь будет, то и он обязательно.

Аня пропустила мимо ушей довольно неуклюжую попытку утешения.

– Ну почему мне так не везет в жизни? Не одно так другое! – глаза Анюты предательски заблестели.

– Не вздумай плакать, – быстро сказала Инга. – Что ты придумала? Все будет хорошо.

– Ага, хорошо. Хорошо уж точно не будет. Она никогда мне его не отдаст, эта пиранья! А я без него не могу-уу! – в голосе Анюты послышались истерические нотки.

Инга внимательно посмотрела на подругу.

– Ань, ну чего ты разошлась-то? У меня тоже в жизни тоже все складывается совсем не так, как бы мне хотелось...

То ли подействовали Анины всхлипы, то ли утреннее отсутствие горячей воды, но настроение у Инги, не успев толком воспрянуть, напрочь пропало. Совсем некстати вспомнилась собственная печальная история полугодовой давности. И хотя нужно было бы давно наплевать и забыть, Инга все не могла. С Алексеем они прожили два года в гражданском браке. Сначала все было здорово – цветы, нежные слова, забота друг о друге, поездка на море. А потом... Инга запретила себе вспоминать, и быстро сказала:

– Ты совершенно зря сейчас расстраиваешься. Он еще может приехать. Еще рано совсем. Точно, – вдруг осенило Ингу, она даже приподнялась в кресле – он наверняка ректора привезет. Константинов ведь в гостинице всегда останавливается. Кто его сюда доставит? Сергей Викторович! – и она торжествующе посмотрела на Анюту. – И вообще, все еще может сто раз измениться. Она ведь не жена ему, так, любовница.

– Спасибо тебе, милая. – Аня с благодарностью взглянула на подругу. – Умеешь утешить. У тебя тоже все обязательно будет хорошо.

– Да, когда-нибудь, – не слишком уверенно согласилась Инга. – Ты вон на Павла Сергеевича посмотри. Он вообще несчастный человек.

– Почему?

– Ну, не помню, рассказывала я тебе или нет. У него семейная драма была года два назад. Он же в Институте адвокатуры преподавал. Ну и... Подробностей не знаю, но что-то у него там со студенткой вышло. И они с женой разошлись. А у него дочь!

– Да ты что? – заинтересовалась Аня, покорно отвлекаясь от предыдущей темы. – А дочка большая?

– Да не знаю, школьница, по-моему. – Инга почесала кончик носа.

– Ох уж этот Институт! – задумчиво протянула Аня. – Кстати, Константинов там проректором был раньше.

Теперь пришла очередь удивляться Инге:

– Надо же, а я и не знала.

– Это еще что! Наш Виктор Романович там работал, – похвасталась Аня своей осведомленностью.

– Юрисконсульт?

– Ну да. Между нами говоря, наша гримза его же заканчивала.

– Алиева, что ли? Смеешься? – Инга ошеломленно уставилась на подругу. – У Института Адвокатуры такой потрясающий статус! Таки-ие люди к нам оттуда пришли! Да Изольдочка просто ходячая антиреклама для этого заведения!

– Точно, – со вздохом кивнула Аня.

– И за что ее Алекс так любит...

– Кто? – переспросила Аня, не сразу поняв, о ком речь.

– Ну, ты даешь, Ивановский, сисадмин наш!

– Ах да... Ну, знаешь, не уверена, что он ее все еще любит. Ему до нее как до луны, и вообще он грустный какой-то последнее время.

Они немного помолчали, думая каждая о своем. Аня унесла опустевшие чашки на кухню и вернулась.

– Кстати, я сегодня, когда мимо своего кабинета проходила, слышала, как Вишенская распиналась, – вспомнила Инга.

– Ничего удивительного, – фыркнула Аня. – Алиева сама ничего не может. Даже собрание провести. Что бы она без Светланы Васильевны делала! Кстати, Светочка что-то плохо выглядит. Бледная вся.

– Да? А ты не знаешь... – разговор был прерван громкими голосами из-за двери. В приемную влетела Алиева с красным от злости лицом, следом за ней неслышно следовала Вишенская. Она была очень бледна, и было видно по всему, что держится она из последних сил.

Инстинкт сработал безотказно – Инга подскочила, схватив какую-то папочку с Аниного стола и с преувеличенной заинтересованностью начала перебирать бумаги в папке, ничего в ней не видя, и вся превратившись в слух. Краем глаза она видела, что Аня подает ей какие-то знаки, но вертеть головой она не решилась, боясь привлечь внимание разъяренной фурии.

– Я тебя уволю к чертовой бабушке! – орала Алиева.

– Не вы меня на работу принимали, не вам и увольнять –пожалуй, чересчур спокойно отвечала Вишенская.

– Ты... ты... – было видно, что эмоции Алиевой явно брали через край, она вращала глазами и наверняка вызвала бы профессиональный интерес для людей в белых халатах. Несомненно, благодаря этой вспышке ярости, словарный запас у нее внезапно закончился, она смерила Вишенскую испепеляющим взглядом, развернулась и, сжав губы, как генерал прошагала в свой кабинет, с грохотом захлопнув за собой дверь.

Вишенская ни слова не говоря, никого не видя, бледная как мел, быстро и неслышно проскользнула в свой кабинет, тихо прикрыв за собой дверь.

Но представление еще не было окончено. Не успели подружки переглянуться, как Алиева снова выскочила из кабинета, подскочила к столу и рывкнула так, что Инга отшатнулась:

– Где папка на подпись?!

Возникла тишина, потом неуверенный Анин голос:

– ээ... У Инги Вячеславовны.

Инга чуть не подпрыгнула от возмущения и вдруг с ужасом обнаружила, что первой схваченной ею папкой со стола, действительно была та самая, которая так срочно понадобилась Алиевой.

– Я... хотела ее вам занести, – пролепетала Инга первое, что пришло ей в голову, протягивая папку. Аня чуть не прыснула – глупее ответа трудно было придумать.

– Для этого у меня есть секретарь, идиотка! – пролаяла директорша, вырвала из рук у Инги папку, развернулась, и, как вихрь унеслась в свой кабинет, не забыв повернуться у самой двери и окинуть обеих презрительным взглядом. И, как финальный аккорд – еще один залп закрываемой двери. После этого воцарилась тишина.

– Вот это да.. – только и смогла сказать Инга.

– Ты видела лицо Вишенской? – почему-то шепотом спросила Аня.

– Да. Я думала, она хлопнется в обморок, – мрачно сказала Инга.

– Она вообще сегодня плохо выглядела. Еще с утра. А тут еще эта. Из-за чего, интересно, они так поцапались?

– К обеду узнаем, – хмуро пообещала Инга.

– Ты чего мою папку схватила? – вдруг спросила Аня. – Я тебе подавала знаки, чтобы ты ее положила. А ты уткнулась в нее и ничего не видишь вокруг.

– Рефлекс. Деловой вид создавала, чтобы не привлекать к себе внимания. Я видела, что ты что-то там пытаешься мне сказать, и еще подумала – тоже мне, нашла время!

Подружки переглянулись и внезапно расхохотались каким-то нервным смехом.

– Ну кто мог подумать, что ты шустрая такая, – вытирая слезы, выступившие на глазах, выговорила Аня. – Если бы я знала, я бы тебе другую папочку подложила...

Разговор вновь прервали. На сей раз в кабинет вошел улыбающийся ректор Константин Николай Александрович с шикарным розовым букетом, за ним Сапронов без букета и юриконсульт Сергеев, почему-то выглядевший сердитым. Николай Александрович доброжелательно улыбнулся и сказал:

– Здравствуйте девочки!

Юрисконсульт что-то неразборчиво пробормотал, а Сапронов на мгновение замер, восхищенно глядя на Анечку, затем тоже довольно дружелюбно поздоровался и начал расстегивать пальто.

Аня зарделась, вскочила, а Инга, вежливо поздоровавшись в ответ, быстро забрала свои вещи и ретировалась, предоставляя Анюте самостоятельно разбираться с гостями.

***

В информационно-аналитическом отделе никого не оказалось, чему Инга была несказанно рада. Она спокойно поставила цветы в кабинетную вазу и повесила дубленку в шкаф. Поправляя полы дубленки, она вдруг увидела на полке под одеждой красивый подарочный пакет с изображенными на нем вишнями. Не удержавшись, она вынула его из шкафа и сунула туда свой нос. В пакете оказалась красивая коробка из дерева с каким-то напитком, судя по внешнему виду упаковки – довольно дорогим. Инга поставила пакет обратно. «Наверное, дополнение к букету. Слишком много чести» – хмыкнула она и подошла к зеркалу. Причесалась, поправила помаду и пошла включать компьютер. Тот радостно и привычно зашумел, как старый знакомый и Инга сказала ему «Привет».

Наконец, дверь открылась и вошел Звонарев Павел Сергеевич. Он вежливо поздоровался, быстро прошел к своему столу, сел, выдвинул ящик и зашуршал бумагами.

Инга посмотрела в окно. Потемневший неровный лед на дорожке похож на вздыбленную ветром реку, редкие мелкие снежинки срываются с неба и неторопливо летят, летят... Нечастые прохожие кутаются, поднимают воротники и бегут куда-то по своим делам. Холодный, унылый пейзаж. Вот она, жизнь, в прозаической ее наготе... Инге вдруг остро захотелось весны, тепла, света, запаха просыпающейся земли и зелени. А ведь еще даже не середина зимы! Когда станет тепло, она обязательно поедет с родителями на дачу. Они возьмут с собой самых близких родных – мамину сестру с мужем, и их сына с женой и детьми. Аленка и Славик будут «сажать» цветы – племянникам по четыре года, они двойняшки, очень забавные, Инга без ума от обоих, а она с братом и отцом будет жарить шашлык, вдыхать весенние ароматы и пить коньяк.

Павел Сергеевич беспардонно прервал мечты Инги, подсунув ей отчет о выполнении ежегодного плана работы отдела она целиком ушла в работу, забыв о ностальгии по весне.

К обеду Инга немного разгребла накопившиеся дела и спросила шефа, погруженного в изучение какого-то нового закона, принятого Министерством образования:

– Как прошло совещание?

Звонарев поднял глаза на Ингу.

– Как обычно. Ничего особенного.

– После него в приемной я невольно стала свидетельницей выяснения отношений между Изольдой Викторовной и Светланой Васильевной. Точнее говоря, это был самый настоящий скандал.

– Ах, да. – Сергей Викторович снял очки и откинулся на спинку стула. – Инночка, вы должны уже привыкнуть к непрекращающимся конфликтным ситуациям, – он сдержанно улыбнулся и потер рукой глаза. – У нас по-другому не может быть. Обычная рабочая обстановка.

Инга взяла ручку и начала обводить клеточки на листке бумаги. Когда она нервничала, всегда что-то чертила, как будто эти каракули могли снять нервное напряжение.

– Ну, не знаю. Если вышестоящее начальство позволяет себе унижать и оскорблять подчиненных, по-моему, это... – Инга хотела вклеить непечатное слово, но вовремя сдержалась и добавила, – это неправильно.

– Вы абсолютно правы, абсолютно! Но что делать? Вся корпоративная культура в нашей, хм... Академии, построена на банальном правиле: «Ты начальник – я дурак, я начальник – ты дурак». Хотя, пожалуй, большинство предприятий в нашей стране именно так и существуют.

– Наверное, вы правы, нужно по философски подходить к этому. Но, к сожалению, не всегда получается. Сегодня я случайно оказалась в эпицентре этого противостояния и мне тоже немного досталось. – Инга вспомнила про «идиотку», и у нее зачесались глаза.

– Вы сегодня не в духе, – кивнул Звонарев. – Я заметил это еще по вашему голосу, когда звонил утром. В таком состоянии малейшие неприятности выбивают из колеи. Но попробуйте посмотреть на это иначе. Ведь бывают ситуации, когда она ведет себя точно так же, а вы воспринимаете это абсолютно спокойно. Почему? Потому что знаете, что то, что она говорит ни на чем не основано. Она просто выплескивает негативную энергию. Вот и все.

– Вы правы, как всегда. Изменить в этой ситуации все равно ничего нельзя, зато можно изменить свое отношение к ней. Просто иногда трудно справиться со своими эмоциями. – Инга скомкала изрисованный листок и бросила его в мусорную корзину.

– Выше нос, Инга Вячеславовна, прорвемся, – ободряющим голосом произнес Звонарев и взглянул на часы. – Ого, уже без пяти час. Заканчиваем упражняться в словесной эквилибристике. Обед на носу.

Инга встала и пошла к Ане. В приемной было тихо, лишь за стенкой раздавались приглушенные голоса Алиевой и ее посетителей. Секретарь сосредоточенно набирала на компьютере какой-то документ.

Проникнувшись обстановкой, Инга тихо спросила:

– Ань, ты на обед идешь?

Аня подняла голову.

– Да, пойду. Даже если эти, – она показала глазами на стенку, за которой располагался директорский кабинет, – еще не выйдут. Замучили меня уже. Чай, кофе, бутеры, печенье, конфеты. И опять по кругу... Уже так натрескались, что им никакой обед не нужен. Так что ставь чайник.

Голоса приблизились, и стало ясно, что сейчас дверь откроется и начальство окажется в приемной. Инга, которой по уши хватило утренней встречи с Изольдой Викторовной, быстро покинула приемную и вернулась к себе в отдел.

Павел Сергеевич по-прежнему сидел за столом, но уже не читал, а складывал бумаги в ящик. Инга подошла к подоконнику и взяла чайник, чтобы идти за водой. Из соседней комнаты вышел Саша Ивановский – на территорию системного администратора можно было попасть прямо из информационно-аналитического отдела. Он был в куртке и явно сомневался, стоит ли ему закрывать дверь на ключ. Инга внимательно посмотрела на него. Вопреки обыкновению, Ивановский был небрит, выглядел невыспавшимся, хмурым и немного лохматым.

– Ин, я не буду дверь закрывать, ок? Я ненадолго отлучусь, ты ведь здесь будешь? – он выудил из кармана шапку и натянул ее на голову.

– Оставляй, мы обедать сейчас будем.

– Там фотки печатаются новогодние, – сказал Саша и через силу улыбнулся. – Если захочешь, посмотришь. Печать минут через пятнадцать закончится.

– Здорово, обязательно гляну. А ты далеко?

– Мне в город нужно, по делам. Я к двум вернусь.

– Хорошо, удачи.

Саша ушел. Инга выключила монитор и с чайником пошла за водой. Проходя мимо поста охранника, она заглянула к Петру Ивановичу, чтобы спросить, покинули посетители Алиевой Академию или нет, но его на месте не оказалось.

Когда Инга вернулась в отдел, Павла Сергеевича тоже уже не было, она включила чайник и полезла в шкафчик за конфетами. Вдруг затрещал мобильный, и она не сразу сообразила, что телефон в дубленке – она его еще не выкладывала. Поняв, откуда идет сигнал, она подошла к шкафу с одеждой. Засунув руку в карман, Инга выудила телефон и задвинула попавшийся ей на глаза вишневый пакет поглубже – он ее раздражал.

Звонил Вадик – двоюродный брат, и на некоторое время Инга почувствовала себя маленькой, когда можно ни о чем не думать и во всем положиться на старшего братишку, когда уютно и нестрашно, когда после чашки горячего чая можно привалится к теплему, знакомо пахнущему боку и забыть обо всех невзгодах. Она подошла к окну и прижалась ногами к горячей батарее, и ей казалось, что упоительное тепло идет не только от бездушного чугуна, но и из трубки, которую она изо всех сил прижимала к своему уху. С тех пор, как в жизни Вадима появилась семья, Инга видела его намного реже и очень скучала. Они всегда очень хорошо ладили, с самого раннего детства, и понимали друг друга с полуслова. Когда Инга смотрела на детей Вадима, то вспоминала их самих в далеком прошлом и виделись ей в его детишках они сами, еще совсем маленькие и беззаботные. От внезапно нахлынувших воспоминаний, на глаза навернулись слезы и Инга, чтобы Вадим не понял, что она плачет, быстро попрощалась.

Наконец пришла Аня, и они сели пить кофе. Инга старательно припудрилась, чтобы не объяснять подруге, почему у нее красные глаза, но вскоре поняла, что ее усилия напрасны – Анята была так взбудоражена, что вряд ли заметила бы какие-то странности в ее лице.

– Что случилось? – удивленно спросила Инга, всего каких-то десять минут назад оставившая подругу в совершенном спокойствии и не понимавшая разительных изменений, произошедших с ней.

– Ничего не случилось, – быстро ответила Аня. Ее глаза светились нервным блеском, а голос прозвучал фальшиво, и Инга поняла, что она лжет.

Впрочем, это не слишком задело Ингу, которая знала, что рано или поздно Аня сама расскажет, если захочет. Потом Инга спросила, знает ли Аня, из-за чего произошел скандал с Вишенской.

– А Звонарев тебе не рассказал?

– Нет, плавно съехал с темы.

– Да все из-за этих компьютеров, которые должны в четверг привезти. Они с Ивановским давно уже Изольде на мозги капали, что нужен еще один компьютерный класс. Докладную писали, которую, между прочим, Алиева подписала сама. И счет на компы тоже. Заказ сделан, бухгалтерией оплачен. Теперь она говорит, что первый раз об этих компьютерах слышит. Хотя ей сто раз об этом говорили. Тупость какая-то.

– Ну как же первый? Если сама подписывала!

– Нет, ну что подписывала – не отказывается. Говорит, мол, почему я ничего не знаю о том, что их решили завозить в четверг. Это первый день после каникул, когда студенты придут, и так далее, и тому подобное... Хотя, насколько я помню, учебный процесс никогда не мешал производственному.

– По-моему, она просто копает под Вишенскую.

– То, что копает, это понятно. Только она это как-то по-идиотски делает. Потом еще какой-то случай вспомнила столетней давности – и пошло-поехало. «Почему я обо всем узнаю последней? На кой мне такой зам, который мне ни о чем не докладывает?» Кто-то из сотрудников попытался ее успокоить, но только подлил масла в огонь. Она еще там начала орать, что всех поувольняет. В общем, все закончилось, как всегда.

– Да уж. Странно только, что она не понимает, что попросту рубит сук, на котором сидит. Ее без палочки-выручалочки Светланы Васильевны очень быстро с этого места уберут.

– А вот это вряд ли, – сказала Аня, мрачно подумав о том, что ее «покровитель», скорее всего, этого не допустит. – Ну, ничего, проживем-увидим. Единомышленников у нее здесь уже нет. Разве что Саша. Только он из другой категории. Не тот уровень. – Аня допила кофе одним глотком и поднялась.

– Ты куда? Еще даже половины второго нет.

– Мне там приказ нужно успеть допечатать на профессора одного, – произнесла, – все тем же замаскировано-фальшивым тоном произнесла Аня и пошла к дверям. Уже подойдя, повернулась и спросила уже своим обычным голосом:

– Поможешь мне фуршетный стол накрыть? – в ее голосе послышались просительные нотки.

Инга замаялась, но подругу огорчать не хотелось – у нее и без того сложный выдался день, и без особой радости ответила:

– Помогу, конечно, куда ж я денусь. Где накрывать-то будем?

– В двести пятой.

– Там же ничего нет, – удивилась Инга.

– Есть. Там поставили стол большой круглый для семинаров. Для фуршета – то, что нужно. Тем более, аудитория после ремонта – красиво, очень стильно. Ты не была еще?

– Нет. Не была. Ладно, в двести пятой так в двести пятой.

Аня подбежала к подруге, чмокнула в щеку, сказала: «Что бы я без тебя делала», немного успокоив этим Ингу, и убежала.

***

В половине четвертого, спустя два часа после обеденного разговора с Аней, Инга поднималась на второй этаж Юридической Академии, держа в одной руке пакет с продуктами, а в другой – бутылку шампанского. Все, что она не успела взять, должна была следом за ней принести Аня.

В коридорах царил полумрак, хотя на улице все еще было светло. Большинство сотрудников разошлись по домам после совещания – в отсутствие студентов Алиева отпустила подчиненных пораньше. Непривычная тишина почему-то действовала Инге на нервы. Она быстро миновала особенно затемненную часть коридора и, засунув бутылку с шампанским под мышку, вставила ключ в скважину. Тот долго не хотел проворачиваться и Инга долго мучилась, пытаясь его повернуть, то и дело поправляя шампанское, которое все время норовило выскользнуть. Наконец, непослушная дверь подалась и Инга ввалилась в аудиторию. Она не сразу поняла, что на полу возле стола лежит человек, а когда поняла, оцепенела от ужаса и страшного предчувствия. Бутылка все же выскользнула и, ударившись о пол, с грохотом разбилась. В тишине, резавшей уши, этот звук прозвучал как выстрел. Прозрачные струйки с тихим шипением растекались в разные стороны.

Она поставила пакет на пол и, боясь отвернуться от того, что она увидела, нащарила свободной рукой выключатель. Брызнул свет, и Инга поняла, что шампанское уже не понадобится. Это была Алиева. Она лежала на спине, головой к окну, левая нога в стильном черном сапоге была неестественно вывернута. Дрожа от страха и чувствуя, как бешено стучит сердце, Инга подошла поближе. Почему-то с первой минуты ей стало ясно, что директорша мертва, и все же она спросила дрожащим голосом:

– Изольда Викторовна, вам плохо? Что с вами?

Лицо директорши было белым как мел. И тут, еле сдержав крик, Инга увидела кровь – ее было не слишком много, и она вытекала из разбитого виска начальницы. Недалеко от нее валялся бронзовый тигр – тот самый, подаренный ей сослуживцами на новый год. Теперь он лежал здесь, на полу, и его морда была красной, словно он только что пообедал.

***

Инга сидела за своим столом, закрыв лицо руками. Ее все еще сильно мутило. Она без конца прокручивала в голове то, что случилось еще совсем недавно...

Осознав, что произошло, она закричала и стала пятиться. Сознание то приближалось, то отдалялось от нее, идумалось, будто во сне. Откуда-то издалека она услышала Анин голос, а потом увидела и саму Аню, которая шла следом, а, услышав крик Инги, вбежала и увидела то

же, что и она. Аня приблизилась к ней и что-то говорила. У нее было сердитое встревоженное лицо, глаза блестели, но Инга не понимала, чего хочет от нее подруга, перед ее взглядом стояло белое лицо Алиевой и тонкая струйка крови, сбегавшей с виска...

Потом Инга как-то внезапно пришла в себя и поняла, что сидит на полу у стены все в той же двести пятой аудитории. Ей почему-то казалось, что прошло очень много времени, хотя прошло всего несколько минут. Она встала и, слегка пошатываясь, вышла в коридор.

Инга не знала, кто вызвал милицию, но они вскоре приехали и невысокий хмурый мужчина, достав удостоверение, длинно представился. Она поняла лишь, что это следователь, зовут его Доронин Василий Степанович. Потом он сообщил, что по факту убийства Алиевой Изольды Викторовны «возбуждено уголовное дело», и он будет его вести. Ребята из следственно-оперативной группы что-то долго выискивали, фотографировали, измеряли, переговариваясь усталыми равнодушными голосами. Инге почему-то совсем некстати подумалось, что чтение таких любимых ею детективов и множество увиденных криминальных фильмов ничуть не подготовили ее к аналогичной ситуации в настоящей жизни. Тут все оказалось намного страшнее.

К половине четвертого в Академии оставалось всего несколько человек – те, кто должен был присутствовать на фуршете. Поэтому новость о произошедшем быстро облетела сотрудников и к моменту приезда милиции в аудитории побывали все, чем очень затруднили последующую работу экспертов.

Оперативно-розыскные мероприятия «по горячим следам» ценных для поимки убийцы сведений не дали. У всех находившихся в период с часу и до половины четвертого на территории Юридической Академии сняли отпечатки пальцев. На бронзовом тигре, который, как было установлено, и послужил орудием убийства, отпечатков пальцев обнаружено не было. Аудиторию номер двести пять опечатали.

***

В информационно-аналитическом отделе находилось три человека. Сама Инга, следователь и какой-то мужчина, не пожелавший представиться. Он сидел за столом Звонарева и что-то записывал.

Следователь Доронин, выглядевший уставшим и раздраженным, сдержанно задавал Инге вопросы и время от времени бросал на нее пронизывающий взгляд. Видимо, думал, что так Инга быстрее сознается.

– Ваше имя Стрельникова Инга Вячеславовна, правильно?

– Да, все верно.

– Какую должность вы занимаете?

– Заместитель начальника информационно-аналитического отдела.

– С какой целью вы отправились в... – он заглянул в свой блокнот, – двести пятую аудиторию?

– Сегодня день рождения у Изольды Викторовны, – Инга лишь слегка споткнулась об имя начальницы. – Мы с Аней... то есть, с Анной Александровной Линевой, – поправились она, и пояснила, – это секретарь Алиевой, – должны были накрыть там стол для сотрудников.

– Вы не заметили ничего странного, когда открывали дверь?

– Ничего странного, за исключением того, что замок немного заело, и я долго не могла ее открыть, – Инга потерла виски, вспоминая, – хотя я не назвала бы это странным. У нас вообще не слишком хорошие замки в кабинетах.

– Вы к чему-нибудь притрагивались? Что вы сделали, когда обнаружили тело?

– Тело? – испуганно переспросила Инга и ее опять затошнило. Почему-то соотнести Изольду Викторовну, еще утром такую живую, с понятием «тело» Инга никак не могла, – ну да, конечно. – Она помолчала. – Нет, я ничего не трогала. Когда я вошла, то сразу увидела... тело, – это слово по-прежнему давалось ей с трудом. – У меня под мышкой была бутылка с

шампанским, я с перепугу ее выронила, потом включила свет и поняла, что это Изольда Викторовна.

– Это вы ее убили? – вдруг спросил Доронин.

У Инги от неожиданности расширились глаза. Она выпрямилась и с осуждением посмотрела на следователя. Мужчина в черном пальто, сидевший за столом Звонарева, с интересом посмотрел на нее.

– Я? Нет, конечно! У меня нет никакого повода ее убивать.

– Это еще предстоит доказать.

Инга вдруг разозлилась. Она хотела сказать, что все знает о презумпции невиновности, и о том, что в обязанности милиции входит поиск человека, у которого действительно был такой повод, и вдруг осеклась, поняв, что именно этим он сейчас и занимается. Ей вдруг стало все равно, и она махнула рукой.

– Валяйте, доказывайте. Это ваша работа.

Мужчина в пальто с любопытством наблюдала за сменой эмоций на лице Инги. Она вдруг тоже внимательно поглядела на него. Кого-то он ей напомнил, но время вспоминать – кого именно было не самым подходящим. У этого человека было очень умное, очень мужественное лицо и серьезный вид, а взгляд иронический, и где-то даже сочувствующий. Почему-то Инге показалось, что так смотрит ученый на подопытную мышку, когда испытывает на ней очередной препарат – с одной стороны, интересно, как она отреагирует и что сделает, а с другой немного жаль, что ей может быть больно. Ее задело, что он так смотрит.

– Не беспокойтесь, докажем, – Доронин бросил подозрительный взгляд на мужчину, потом на Ингу, видимо заметив их переглядывания. А может, просто в силу привычки всех во всем подозревать. – Скажите, у нее были здесь враги?

Инга немного замялась и он это заметил.

– Говорит, не стесняйтесь. Я все равно об этом узнаю.

– Ну, смотря какой смысл вкладывать в это слово. Говорят, о покойниках либо хорошо, либо ничего, – Инга уже успокоилась и перестала спотыкаться на словах.

– Вас это останавливает?

– Да нет... Тем более, вы все равно узнаете. Изольда Викторовна была своеобразным человеком. Со сложным характером. Я не могу сказать, что у нее были враги, но, тем не менее, нельзя проработать полгода на должности директора, никому не наступив на хвост.

– Вы можете перечислить людей, с которыми у нее возникали конфликты?

– Со всеми. И со мной, в том числе. Но я бы не советовала вам строить свои теории на этом заявлении. Это обычные рабочие моменты. Они не могут быть серьезными настолько, чтобы появилось желание... убить.

– Желание не появилось, а труп налицо. И заметьте, это мог быть только человек, который сегодня в период с тринадцати до пятнадцати находился в здании. Возможно, даже и вы.

На сей раз Инга не выдержала.

– Послушайте, сначала докажите, а потом уже разбрасывайтесь обвинениями! Ваши намеки оскорбительны!

– Я бы порекомендовал вам держать себя в руках. Это в ваших же интересах. – Голос следователя звучал холодно и пренебрежительно. – Когда вы видели потерпевшую последний раз?

«Какая же она потерпевшая, – подумалось Инге, теперь ей уже никогда не придется ничего терпеть». А вслух сказала:

– Утром, в приемной. Около половины одиннадцатого.

– Что она делала в это время?

– Они вернулись с совещания, которое проходило здесь, у нас в кабинете.

– Кто это «они»?

- Изольда Викторовна была со своим заместителем Вишенской Светланой Васильевной.
- Почему совещание проходило здесь? У нее ведь есть свой кабинет.

Инга тяжело вздохнула.

- Послушайте, какое это имеет значение?

– Для меня все имеет значение, – отрезал следователь.

– Здесь удобный и очень просторный кабинет. Кроме этого, он расположен близко к кабинету директора, и это тоже плюс. К тому же она ждала ректора и делового партнера, которые могли приехать раньше, чем закончится совещание.

- Вы присутствовали на этом совещании?

– Нет, я приехала позже, потому что покупала для Изольды Викторовны цветы. Я уже говорила – мы собирались ее поздравить, – Инга уже выдохлась и говорила уставшим, безразличным голосом.

– Так... Теперь расскажите мне, где вы находились с часу и до трех дня. И, пожалуйста, максимально подробно...

***

Когда всем разрешили ехать домой, на улице стояла глубокая ночь. Инга подошла к зеркалу и посмотрела в него. Медно-рыжие волосы, так аккуратно уложенные с утра висятнеровыми прядями, глаза уставшие и красные, а под ними синеватые круги. Красота!

Инга подумала, что стоит, пожалуй, вызвать такси. В такое время она ни на чем домой уже не доберется. Она сняла трубку с телефона и уже собралась набрать номер, как вдруг дверь отворилась, и вошел тот самый мужчина в черном пальто. Сердце Инги забилося быстрее. Очень не хотелось признаваться себе в том, что этот чисто выбритый незнакомец с ироничным взглядом ей очень понравился.

– Вы собираетесь домой? – спросил он, и Инга отметила, что у него очень приятный низкий голос.

– Да. Вот, хочу вызвать такси, – голос Инги был в меру равнодушен.

– Я могу подвезти вас, я на машине, – преувеличенно спокойно сказал он и подошел ближе. Под расстегнутым пальто виднелась светлая рубашка без галстука.

– Я не сажусь в машину к незнакомым мужчинам, – произнесла Инга.

– Мы можем познакомиться, – улыбнулся собеседник, и улыбка мгновенно преобразила его лицо. У него были ровные белые зубы, в темных глазах горел озорной огонек. – Позвольте представиться. Меня зовут Матвей Серебрянский.

И тут Инга вспомнила. А вспомнив, уже не могла и дальше делать независимый и безразличный вид.

– Матвей Серебрянский? Вы тот самый писатель, который пишет детективы? – почти вскричала она.

– Тот самый, – усмехнулся великий писатель.

– Я обожаю ваши детективы. Устиновой и ваши! Очень рада с вами познакомиться! – И она протянула руку.

Матвей церемонно поднес ее руку к губам и поцеловал. Инга покраснела с головы до пят.

– А что вы здесь делаете?

– Я пишу очередную книгу. Вот, попросил товарища, чтобы разрешил присутствовать на дознании. Мне для моей работы нужны реальные люди, реальные факты.

– И вы... – лицо Инги изменилось.

– Нет, конечно, описывать то, что здесь произошло, я не буду, – поспешил успокоить Ингу Матвей. – Никаких имен и фамилий. Я хотел... почувствовать атмосферу.

– А этот ваш товарищ – это следователь?

– Нет, это совсем другой человек, – Матвей поморщился, словно не хотел говорить об этом. – Вообще-то, такое не практикуется. Посторонних в таких случаях быть не должно. Но для меня сделали исключение. При условии, что я не буду вмешиваться в процесс, – он улыбнулся.

– Понятно, – Инга задумчиво посмотрела на Матвея и заправила прядь волос за ухо.

– Ну что ж, теперь мы знакомы, и вы можете сесть ко мне в машину.

– Пока нет, – строптиво возразила Инга и ее глаза вспыхнули очаровательным лукавством. – Я еще не одета.

Матвей помог Инге одеться, заботливо завернув ее в дубленку, чем несказанно ее удивил и вверг в смущение, и они вышли на улицу. Снег уже не падал редкими снежинками, а валил огромными белыми лохматыми хлопьями, отчего казалось, что воздух светится. Мельчайшие кристаллики замерзшей воды отражали немногочисленные огни засыпающего города. Инга подняла голову к небу. Она очень любила так делать, когда шел снег. Он попадал в глаза, заставляя ее часто моргать, приятно таял на горячих щеках, и, глядя в высоту–туда, откуда он падал, Инге казалось, что она летит. Первобытный восторг от появления такого привычного и знакомого явления как снег не иссякал, и каждый раз казался настоящим чудом.

Матвей пошел вперед, Инга, немного поотстав, шла за ним следом. Он подошел к большому черному джипу, и тот приветственно моргнул фарами. Матвей открыл Инге дверь и помог взобраться на переднее сиденье, чем заслужил одобрение Инги, не избалованной подобной заботой. Инга уселась на сиденье и запахла полы дубленки. В машине было тепло и приятно пахло какой-то автохимией. Сев за руль, он пристегнулся, попросил пристегнуться Ингу, включил музыку и тихонько тронулся.

– Где вы живете? – спросил он, отъехав от Академии.

– Островского, шестнадцать, – машинально ответила Инга, и они замолчали.

Машина медленно скользила по снегу. Ночь, негромкая музыка, приятный свет приборной панели, эта дорога на двоих, и мужчина, молчавший и сосредоточенно смотревший вперед, создавали ощущение нереальности происходящего. В голове Инги, как-то сразу разомлевшей от тепла и усталости, вдруг промелькнула мысль, что она хотела бы так ехать вечно. Поняв, что она nepазвоzительно расслабилась, и, к тому же, ведет себя не слишком прилично, не раскрывая рта, Инга выпрямилась на сидении и спросила:

– А почему вы решили стать писателем?

На лице Матвея промелькнуло удивление, быстро сменившееся улыбкой:

– Это очень увлекательное занятие.

– Ну, наверное, для того, чтобы писать книги, мало увлечения, нужно ведь еще и уметь это делать. Вы где-то учились?

– Возможно, это вас удивит, но я заканчивал Юридическую Академию. Эту самую.

– Неужели? Я ее тоже заканчивала. Может, я тоже могу писать детективы? – Инга вдруг отчетливо осознала, что флиртует с Матвеем.

– Все может быть, – загадочно улыбнулся он. Матвей вообще улыбался часто, и эта искренняя улыбка заставляла биться быстрее сердце Инги. В эти мгновения ей почему-то казалось, что она знает его очень давно и он ей очень понятен и близок. Возможно, эту иллюзию создавало то обстоятельство, что Инга перечитала все его книги? И ей казалось, что, читая, она узнает его лучше? Этого она не знала сама.

– А почему вы выбрали такую профессию?

– Вы имеете ввиду информационно-аналитический отдел?

– Да, его.

Инга пожала плечами.

– Знаете, я не могу сказать, что выбрала эту профессию. Пожалуй, это она меня выбрала. Я начинала работать в Академии еще студенткой. А потом, когда закончила учиться, мне

предложили повышение. Не слишком высокая должность, но неплохо оплачиваемая. К тому же, если говорить откровенно, мне нравится моя работа. Нравится работать с информацией, общаться со студентами и преподавателями, организовывать выставки разных научных достижений, семинары, встречи, и вообще, этот ритм жизни – мой! – как всегда, говоря о своей работе, Инга воодушевленно выпрямилась, и глаза ее заблестели.

– Это очень хорошо, что вы так любите то, чем занимаетесь, – серьезно сказал Матвей, внимательно глядя на Ингу. А ее, обожавшую поделиться впечатлениями о своей бесценной работе, было уже не остановить.

– Очень много смешных ситуаций бывает. Однажды к нам пришел один профессор, ему семьдесят с лишним лет – большой любитель поспорить, пофилософствовать и процитировать великих людей. Ну, замучил нас со своими учениями! И вот однажды мы поспорили о чем-то, и он говорит: «Это, девочка моя закон о единстве и борьбе противоположностей, знаете такой?» А я ему отвечаю: «Конечно, это же один из трех законов диалектического материализма. Единство и борьба противоположностей являются причинами развития, иногда – главными причинами развития». И описываю ему в подробностях с примерами. А он так внимательно на меня посмотрел и говорит: «Вы меня удивили, девочка. Знаете анекдот? Ну, в чём различие между матом и диаматом? Мат все знают, но притворяются, что не знают. Диамат никто не знает, но все притворяются, что знают. Так вот, я думал, вы и слов-то таких не знаете. В то время, когда вы учились, поди, и дисциплины такой уж не было». После этого случая перестал всех доставать. Или взять хотя бы нашего Звонарева – очень образованный человек, и подкованный во многих вопросах. Его переспорить вообще нереально. Паттернами словесной эквилибристики владеет в совершенстве. Они, когда с профессором сцеплялись, чуть ли до драки дело не доходило. Но слушать всегда любопытно, и смешно иногда.

Инга замолчала, поняв, что увлеклась, и ее спутнику, скорее всего, не слишком интересно все это слушать. Хотя вид у него был заинтересованный, и по глазам было видно, что он внимательно слушает. Инга заметила, что они едут каким-то интересным путем. Она такими лабиринтами никогда до дому не добиралась.

– А вы хорошо знаете город, – удивленно произнесла она, вглядываясь в темноту, – как-то странно мы едем.

– Да, хорошо. Я вас специально так повез, чтобы вы успели про профессора рассказать. Я ведь когда-то таксистом работал.

– Вы? Таксистом? – у Инги даже брови полезли вверх. Почему-то она не ожидала от него такое услышать.

– Да, еще когда в Академии учился – подрабатывал. Отец был очень принципиальным в этом смысле. Нужны деньги – заработай сам. И доказывал собственным примером...

Когда-то в середине девяностых отец Матвея открыл кафе-кондитерскую, которая пользовалась большим спросом. В СССР с началом экономических реформ общественное питание являлось одной из площадок, на котором отрабатывались как новые экономические механизмы, так и формировались новые отношения частных предпринимателей и государственных структур. Кооперативные кафе в те годы были первыми маяками развития частного предпринимательства.

Матвей на минуту замолчал, вспоминая.

– Где я только не работал тогда... Ну, и таксистом тоже.

Инга сосредоточенно слушала, боясь спугнуть этот приступ откровенности.

– Тогда я обижался на отца – для него деньги проблемой не были, он в те годы был предпринимателем средней руки. А сейчас я даже благодарен ему. Наверное, если бы тогда моя жизнь была проще, я не добился бы того, что имею сейчас... К тому же, я вообще очень люблю машины, всегда любил. Поэтому работа была в радость. И мой бизнес сейчас связан именно с этой сферой...

– Да, родители часто принимают решения за своих детей, не считаясь с их мнением. Но и во многом бывают правы. Зато теперь вы тоже занимаетесь любимым делом, – осторожно сказала Инга.

– Да, уже что-то общее между нами есть – мы оба любим то, чем занимаемся в жизни, – усмехнулся Матвей.

Нами? Нами?? Не зная, как ответить, и как реагировать, Инга сделала вид, что пропустила последнюю фразу мимо ушей. К тому же был повод – они подъехали к ее дому. Матвей заглушил мотор, и в машине стало удивительно тихо.

– Спасибо вам большое, что подвезли. Неизвестно, сколько бы мне такси ждать пришлось. – Инга с благодарностью посмотрела на Матвея.

– Всегда пожалуйста. Может, пригласите на чай?

– Уже очень поздно, – поспешила возразить Инга. Еще не хватало оказаться с ним в квартире наедине!

Его лицо было непроницаемым.

– Но в другой раз обязательно, – добавила она абсолютно искренне.

– Ловлю вас на слове, – усмехнулся Матвей, – давайте, я вас до квартиры провожу – темно ведь.

– Не стоит, – Инга выдавила улыбку, – у нас в подъезде новую лампочку вкрутили. Но все равно спасибо.

Они скомкано попрощались, и Инга вывалилась из джипа в зимнюю ночь. Она захлопнула дверь и зашагала к своему подъезду, спиной чувствуя взгляд Матвея. Он все не уезжал и уехал только когда за ней закрылась дверь в подъезд.

Квартира встретила Ингу приятным теплом и запахом дома, отчего ей сразу же захотелось есть и спать. И еще принять душ. После сегодняшних происшествий ей не терпелось смыть с себя запах смерти, который преследовал ее с того времени, как она вошла в злосчастную двести пятую аудиторию. И еще презрение следователя, которое она не понимала, но чувствовала очень остро. Оно, словно пыль, осело на одежде, волосах и коже. Быть может, Доронин не любил свою работу, быть может, устал, но ему явно хотелось побыстрее найти крайнего, и сунуть его в катажку. Инга поехала – ей очень не хотелось стать крайней.

Она быстро разделась и залезла под душ. Горячие струи, вырывавшиеся из мелких дырочек, буравили кожу, и тепло разливалось по всему телу, и отступали ненужные мысли, и мимоходом подумалось, что завтра будет тяжелый день.

Завернувшись в халат, Инга прошлепала на кухню и сунула нос в холодильник. Ужин она пропустила, да и есть в той обстановке, в которой она находилась на работе, ни за что бы не смогла. Сейчас, освежившись и придя в себя, Инга ощутила зверский голод. В холодильнике оказалось четыре яйца, кусок сыра, две сосиски и половина помидора. Инга мгновенно представила себе яичницу с помидором и сосисками, присыпанную сверху сыром и рот моментально наполнился голодной слюной. Отчаянно торопясь Инга сварила себе ужин и уселась со сковородкой у телевизора. А что тут такого? Никто ее не видит, а мыть лишнюю тарелку в час ночи – удовольствия мало.

Инга включила какую-то веселую передачу и принялась есть. Но мысли о том, что произошло, все равно лезли в голову, и никакая передача не могла их заглушить. Сильного огорчения от случившегося с начальницей она не испытывала и все же, вспоминая ее, распластавшуюся на новом паркете отремонтированного кабинета, Инга почувствовала острый приступ жалости. Бедная глупая дерзкая девчонка, не желающая отвечать за свои поступки и горько поплатившаяся за это. Ежу понятно, что это самая настоящая месть. Да еще какая наглая и кощунственная – сотворить это в Академии, где учатся дети, и чем! – ее собственным подарком! Кроме того, Инге подумалось, что следователь наверняка узнал о скандале на совещании, о котором она умолчала – его начало и середину наблюдала половина Академии. И это

Вишенской совсем не на пользу. С точки зрения самой Инги подозревать Вишенскую было бы глупо – она не такой человек, чтобы пойти на убийство. Но у следователя могло сложиться другое мнение. Хотя, с другой стороны, а кто «такой»? Инга мысленно перебрала всех, кто был сегодня в Академии в тот период, о котором расспрашивал следователь. Никто из них не мог этого сделать! Конечно, бывало всякое и особой любви к некоторым сотрудникам Инга не испытывала, и все же это были близкие, и даже родные люди, с которыми она на протяжении нескольких последних лет проводила большую часть своей жизни. И мысль о том, что это мог сделать кто-то из них, казалась глупой, нелепой и даже кошунственной. Конечно, оставалась вероятность того, что это был незнакомый человек, который зашел с улицы, но такая вероятность была крайне мала. В обычный рабочий день, когда в ВУЗе полно народу, войти незамеченным, конечно, реально, но нужно быть чертовски везучим, чтобы так точно угадать время и ни на кого не наткнуться.

Инга помыла сковородку, налила себе чаю и забралась под одеяло. Думать было не о чем – чтобы строить догадки, было слишком мало информации, но она все равно думала. После собственного допроса она ни с кем не общалась и не знала ничего, что могло бы хоть как-то помочь ей в этом.

Потом ее мысли переключились на Матвея Серебрянского. Почему-то вспомнились его руки, когда он держал руль. Длинные аристократические пальцы, немного обветренные и очень сильные, как ей показалось. Ей вдруг стало жарко под одеялом. Она долго вертелась, несмотря на то, что очень устала, а, когда, наконец, сон пришел к ней, за окном уже начинало сереть.

***

Матвей медленно ехал по ночному городу и думал. Когда он еще несколько дней назад разговаривал с Волковым насчет того, чтобы поприсутствовать на настоящем расследовании, он и понятия не имел, что познакомится с девушкой, которая вызовет в нем столько эмоций.

Тридцативосьмилетний успешный бизнесмен и писатель Матвей Серебрянский, пожалуй, впервые в жизни чувствовал себя растерянным и, не знал, что ему делать. Женщины в его жизни появлялись эпизодически – в зависимости от его желания и настроения. Желающих было немало – перспективный, неженатый, умный мужчина, да еще и довольно приятной наружности. Однако сильных чувств у Серебрянского никто не вызывал. Этакie короткометражные фильмы, которые просматриваешь в свободное от работы время, а потом благополучно и быстро забываешь их после просмотра.

Впервые, женщина, собственно, ничего не сделавшая для того, чтобы привлечь его внимание, так его заинтересовала. Он сам не мог понять, что именно ему в ней понравилось. Внешность? Самособой. Ему, как и главному герою всемирно известного романа всегда нравился титанический цвет волос. Непосредственность? Возможно. Но было что-то еще. Может, это было плодом его собственной фантазии, но ему показалось, что в ней есть какой-то скрытый нереализованный потенциал тепла и нежности... Пожалуй, он сам не отдавал себе отчета в том, что именно это так зацепило его в ее взгляде. Где-то в глубине ее глаз мерцал огонек, который, как казалось Матвею, можно разжечь поярче – чтобы он засиял, как тысяча лампад! Матвей усмехнулся своим мыслям. Ну, надо же – «как тысяча лампад», – откуда, только, слова такие берутся в голове!

Матвей быстро доехал до своего дома, располагавшегося на местной «Рублевке», поставил машину и вошел в дом. Он принял душ, поел и прошел в свой рабочий кабинет. Пока свежи были впечатления от сегодняшнего выезда на убийство, стоило немного поработать. Спустя несколько минут он настроился на нужный лад и с головой ушел в работу. Когда это было необходимо, Матвей Серебрянский виртуозно отключался от ненужных мыслей – работа превыше всего. Под впечатлением он наваял страниц шесть, но перечитывать не стал, решил сделать это утром, на свежую голову.

Матвей Андреевич Серебрянский, автор известных и очень популярных детективов, был также совладельцем компании «Авто–Кволити». Компанию они вместе с деловым партнером Клинеевым Игорем Семеновичем основали пять лет назад, а сейчас она являлась одним из наиболее динамично развивающихся дилеров в юго-западной части города.

Матвей действительно очень любил машины. Эта любовь родилась в ранней юности, и с годами только крепла. Пожалуй, человеку, который не интересовался авто и не сталкивался с этим сложным миром механики, электроники и гидравлики было бы сложно понять Матвея. Но его этот мир увлек уже давно, к тому же, у него были все неотъемлемые качества для успешной работы в этой сфере – отличное знание технических характеристик, преимуществ и слабых сторон, правильный подход, крепкая хватка и предпринимательская жилка.

Уже лежа в постели и продолжая анализировать возвращение домой вместе с Ингой, он подумал, что если бы его спросили, о чем он будет разговаривать с понравившейся ему женщиной в первую встречу наедине, то он описал бы пару десятков вариантов, но ни в одной из версий он бы даже не предположил, что будет рассказывать ей о том, что работал бомбилкой, а она будет цитировать профессора и рассказывать анекдоты про диалектический материализм.

***

Первым, с кем столкнулась Инга у входа в Академию, был следователь Доронин. Нельзя сказать, что он выглядел довольным, но настроение у него явно было лучше, чем накануне. Он почти вежливо поздоровался и даже пропустил Ингу вперед, придержав дверь. Заходя в свой кабинет, Инга краем глаза заметила, что Доронин зашел в приемную.

День потек своим чередом. Со Звонаревым Инга обсуждать вчерашний день не стала, опасаясь, что если начнет прокручивать в уме подробности, то потом не сможет работать. Звонарев тоже не лез к ней с расспросами. Они обсудили план совместных действий и приступили к их выполнению.

Ближе к обеду некоторые аналитические материалы о результатах научно-исследовательской и инновационной деятельности Академии были готовы, и Инга, распечатав, показала их Звонареву. Быстро просмотрев отчеты, Павел Сергеевич отправил Ингу отнести их в приемную – в папку на подпись.

– Павел Сергеевич... – Инга замялась, и с сомнением посмотрела на шефа.

– Я вас слушаю, – Звонарев поднял на Ингу глаза.

– А есть ли смысл класть документы в папку? Кто их будет смотреть? Ведь Изольда Викторовна...

– Инночка, это наша работа. Не сегодня, так завтра назначат исполняющего обязанности директора, а эти документы должны были быть готовы, как у нас говорится «на вчера». Пусть лежат в папке.

Инга ничего не ответила и вышла.

Аня сидела в своем вращающемся кресле и смотрела в окно. Услышав, что кто-то вошел, она развернулась, и на ее лице отразились признаки облегчения.

– Это ты? Привет.

– Привет, как ты?

– Да так себе. После вчерашних событий не могу прийти в себя. А ты как спала?

– Уснула поздно, но спала как младенец, хотя это и не делает мне чести, – мрачно призналась Инга, – у вас сегодня был следователь?

– Да, и у меня, и у Вишенской. Их интересует, когда я последний раз видела в кабинете Алиевой тигра. А что спрашивали у Светочки, не знаю – там было тихо за стенкой. Доронин только что ушел.

– А что с тигром? Это очень резонный вопрос, я сама сегодня об этом все утро думала. Ведь если он пропал раньше – это одно дело, а если вчера, то круг подозреваемых существенно сужается.

– Я не помню, был он или нет, – ответила Аня, отводя взгляд, – кстати, вчера ведь сюда приезжал ректор. Вечером, когда началась вся эта... катавасия. Судя по всему, никто про тигра не помнит, иначе этот вопрос мне бы уже сегодня не задавали.

– И Сапронов?

– Что Сапронов?

– Не помнит.

– Откуда я знаю? – вдруг взвилась Аня, – я же тебе говорю, сегодня у меня спрашивал об этом следователь. Значит, Сапронов тоже не видел. То есть, не помнит. Ты что, расследование затеяла, что ли? Мне тут уже расследования хватило по уши.

– Успокойся, ничего я не затеяла. Просто... все так складывается... Мне кажется, следователь ничего не выяснит. Люди не слишком склонны делиться с представителями закона. Такой уж у нас менталитет.

– Не выяснит – значит так и будет.

– Ань, ты что, не понимаешь? – Инга даже повысила голос, так ее возмутило поведение Ани, – среди нас ходит хладнокровный ублюдок, безжалостно лишивший жизни молодую женщину! Тебе все равно?!

– Мне не все равно, но ты же знаешь, какая она была. Здесь не было ни одного человека, который бы хорошо к ней относился.

– Это не повод убивать, Ань. Ты меня прям поражаешь.

– Извини... – Аня потеряла виски пальцами, – я, действительно хочу, чтобы нашли эту сволочь, но эти допросы – это так мучительно.

– Это да, с этим трудно не согласиться. – Инга посмотрела на дверь, которая вела в кабинет Вишенской, – слушай, а что мне с документами делать? К тебе в папку класть?

– Занеси лучше Светлане Васильевне. Она, скорее всего, лучше знает, кто теперь будет и.о. Алиевой. Может, и она сама.

Инга тихонько постучала, и приоткрыла дверь. Вишенская сидела в своем кресле, поставив локти на стол и закрыв руками лицо.

– Светлана Васильевна...

– Да, да, – Вишенская отвлеклась от своих мыслей и посмотрела на Ингу, – здравствуйте, Инночка, это вы?..

У Вишенской были красные глаза, а прическа – Светлана Васильевна обычно делала прическу а-ля шарман – с зигзагообразным пробором – сегодня была какой-то унылой и неровой.

– Что у вас?

– Я подготовила отчетную документацию по работе нашего отдела. Вот, принесла.

Вишенская протянула руку, взяла у Инги папку, открыла и стала листать. Но по ее глазам было видно, что она делает это чисто механически, совершенно не вникая в суть ее содержания. Вдруг ее лицо побледнело, как будто ей стало нехорошо, она вскочила, и, пробормотав «подождите минуточку, я сейчас», вылетела из кабинета. Инга недоуменно проводила ее взглядом. Потом вздохнула и присела на стул, стоящий у стола напротив кресла начальницы.

Светлана Васильевна вернулась минут через двадцать – Инга уже успела пересчитать все узоры на шторах, папки на полках и подумать о том, что скоро обед. Лицо Вишенской было по-прежнему бледным. Она села за стол и вдруг заплакала. Инга не знала, что думать.

– Светлана Васильевна, что случилось?

– Я больше так не могу, – бормотала замдиректора, – когда же все это закончится, – бормотанье перемежалось истерическими всхлипами. Инга вышла и через минуту вернулась со стаканом воды.

– Попейте, вам станет лучше, – она с сочувствием смотрела на начальницу.

Та сделала пару глоточков воды, но успокоилась не сразу.

– Извините, Инночка, что я при вас...

– Ерунда, не расстраивайтесь так, все уладится.

– Нет, Инночка, не уладится, – Вишенская достала салфетку и промокнула глаза. Макияж ее был безвозвратно испорчен.

– Он подозревает меня в убийстве Изольды Викторовны. Сегодня утром взял с меня подписку о невыезде.

Инга грустно подумала, что следователь мыслит так, как она и предполагала.

– Ну, это их работа, – попробовала она успокоить Вишенскую, – они отыщут настоящего преступника и снимут с вас все подозрения.

– Не знаю, все может быть, – она немного помолчала, – а я еще чувствую себя так плохо, прямо не могу. Надо же, как все совпало.

– Совпало?

То ли на Светлану Васильевну подействовала ее же истерика, то ли сама обстановка в Академии – теперь неясно, с кем и как соблюдать субординацию, но она внезапно призналась:

– У меня три месяца беременности. Токсикоз ужасный. Я и так еле-еле на работу хожу, а тут как назло – сначала этот позорный скандал, а теперь еще эти нелепые подозрения...

– Да уж, – Инга была настолько потрясена услышанным, что даже не нашлась, что еще сказать. Хотя в том, что молодая интересная замужняя женщина находится в положении, не было ничего сверхъестественного.

– Представляю, каково вам сейчас – сочувственно произнесла Инга, и утешительно погладила Вишенскую по руке. Та вдруг схватила ее за руку и горячо зашептала:

– Помогите мне!

– Я?! Но как?

– Найдите этого человека! У вас аналитический склад ума, вы очень умная девочка, я давно за вами наблюдаю. Пожалуйста! Если все это не закончится, я... я не переживу.

Инга изумленно молчала, глядя в умоляющие глаза начальницы.

– У вас, кажется, брат работал оперативником?

– Верно.

– И вы однажды помогли ему вычислить преступника.

– Было такое.

– Вы увлекаетесь криминалистикой, вы сами рассказывали.

– Да, но...

– Я очень вас прошу, я умоляю!

– Я даже не знаю... Я... Я попробую, – наконец, решившись, ответила она, – я не могу вам ничего обещать, но я обязательно попробую.

Вишенская, наконец, выпустила руку Инги и благодарно прошептала:

– Спасибо вам, спасибо большое. За вашу поддержку... и вообще. Я очень в вас верю.

Инга вышла в приемную и тупо посмотрела на Аню.

– Что? – удивленно спросила та, – у тебя такое странное лицо, о чем вы говорили?

Инга ничего не ответила, и молча вышла из приемной.

Аня пожала плечами и уткнулась в экран компьютера. Секретарской работы не было, и она раскладывала пасьянс. Потом она подумала, что пока есть время, можно, пожалуй, навести порядок в папках. Беспорядка, как такового, там не было, но аккуратная Анечка любила, чтобы все было идеально. Она вынула две папки с приказами и уже собралась начать проверять их наличие и хронологию, как у нее зазвенел мобильный. Она взяла его в руки и, увидев, кто ей звонит, обрадовалась и заволновалась одновременно. Оглянувшись на дверь, будто кто-то мог ее подслушивать, Аня быстро сняла трубку и, сказав «алло», вышла на кухню.

***

Инга вошла в свой кабинет и села к компьютеру. Лучший способ думать о своем, не привлекая ненужного внимания – это внимательно смотреть в монитор, где развернут какой-нибудь документ...

Она растерянно пожелала Саше Ивановскому приятного аппетита – тот, как всегда, уходя на обед, пожелал ей того же. Звонарев ушел к юрисконсульту – они часто обедали вместе. Наконец, наступил долгожданный обеденный перерыв, и Инга осталась одна. Теперь не нужно было создавать видимость работы и она, сделав себе чашку горячего кофе, принялась думать.

Поведение Вишенской показалось ей необычным, но отнюдь не странным и вполне естественным. Впрочем, она изначально не была склонна к тому, чтобы подозревать ее. Но свои предположения нужно основывать не на досужих домыслах, а на реальных фактах. Если уж браться за это дело серьезно, то нужно выяснить-таки у самой Вишенской – где конкретно она провела эти злосчастные два часа – с тринадцати до пятнадцати. Итак, порассуждаем.

Скорее всего, первыми под подозрение попадают не только те, у кого на первый взгляд был мотив для преступления, но и те, у кого была возможность его совершить. В первую очередь, это те, у кого имелись ключи от приемной и кабинета. Это сама Алиева, которая совершенно определенно из круга подозреваемых выпадает, Вишенская и... Аня. У Инги неприятно заныло под левой лопаткой. Нет, Аня точно не могла. Уж лучше, пусть это будет Вишенская. Тем более, нельзя исключать возможности, что ключами вообще воспользовался кто-то другой. Если что, можно будет обдумать эту версию, хотя вариантов тут множество. Нужно спросить у Ани и у Светланы Васильевны – не теряли ли они ключи в последнее время. Также не мешало бы выяснить – подвергались ли ключи всех троих копированию – экспертиза, несомненно, должна была это установить. Хотя дополнительных дубликатов при обыске обнаружено не было. С другой стороны, тщательно проверить такое большое здание как Юридическую Академию непросто. Слишком большое поле деятельности. Мм-да... Все-таки, самым перспективным направлением был бы тигр. Очень обидно, что никто не помнит, когда он пропал. Это бы очень помогло в расследовании. Если это произошло вчера, то выяснить, кто вошел в приемную, будет не очень сложно – в кабинете постоянно находилась сама Алиева, или Вишенская, или Аня. То есть логично предположить, что это произошло приблизительно с часа-начала второго, когда Аня пришла на обед к Инге, и до половины второго – когда она вернулась обратно. Если только... если только одна из них или обе не были в этом замешаны. Ведь, как известно, наличие алиби не исключает возможного соучастия. Инга старалась рассуждать беспристрастно, как лицо незаинтересованное, но делать это, зная, что у лучшей подруги была прекрасная возможность, и, между нами говоря, отличный мотив, чтобы все это организовать Инга не могла совершенно. А ведь она знала Аню много лет, и одно это полностью исключало ее причастность! И милиция наверняка ее не подозревает, ведь о том, что она без ума от Сапронова не знает никто, кроме Инги и самой Ани. Да она и мухи не обидит! Инга поймала себя на мысли, что уговаривает себя не подозревать Аню – противное и гадкое ощущение, за которое Инга уже начинала себя ненавидеть. И вообще, в конце концов, это мог быть любой. Нужно аккуратно поговорить со всеми и выяснить, у кого есть, а у кого нет алиби. И начать лучше... Да с Вишенской и нужно начать. Она впутала Ингу в это приключение, пусть помогает.

Инга решительно встала и снова пошла обратно, в приемную. Ани в приемной не было, но Инга даже была этому рада. Она почему-то чувствовала себя виноватой перед подругой. Тихонько приотворив дверь, Инга заглянула к Вишенской. Та сидела за столом, и пила чай, просматривая какие-то бумаги.

Она подняла голову, и, увидев Ингу, улыбнулась.

– Это вы, Инночка? Я как раз просматриваю ваши материалы. Очень хорошая работа. Я бы даже сказала, безупречная. Вы молодец.

– Спасибо, – машинально произнесла Инга, и, не спрашивая разрешения, присела на стул напротив замдиректора. Теперь их разделял только стол.

– Светлана Васильевна, я бы хотела поговорить с вами.

– Я слушаю.

– Я хотела бы узнать, что вы рассказывали милиции о вчерашнем дне. Как именно вы сами провели время с часу до трех.

Лицо Вишенской изменилось.

– Я должна была догадаться. Вы тоже меня подозреваете?

– Нет-нет, – поспешила успокоить ее Инга, немного покривив при этом душой, – мне важно знать, когда и на сколько приемная и кабинет оставались без присмотра. К тому же, может вы могли бы сообщить что-нибудь полезное об этом времени.

Вишенская глубоко вздохнула, и повертела в руках шариковую ручку.

– Я вам ведь говорила уже, что последнее время отвратительно себя чувствую. Вчера было тоже самое. Особенно, после этого конфликта на совещании и в приемной. Вы сами видели.

Инга кивнула.

– В час или около часа я попросила Петра Ивановича, чтобы он открыл мне медпункт. Он провел меня, открыл дверь и ушел.

– Вы хотели принять какое-то лекарство?

– Да нет, просто полежать. Я выпила полстакана воды и легла на кушетку. Наверное, я задремала, потому что, когда открыла глаза, было без пяти два. Я быстро встала, закрыла медпункт, отнесла ключ на вахту и вернулась в свой кабинет.

– Вы закрывались изнутри, когда были в медпункте?

– Да, конечно, мне не хотелось, чтобы кто-нибудь зашел и увидел меня там.

– Вы говорили Петру Ивановичу, зачем вам понадобился медпункт?

– Я сказала ему, что у меня сильно болит голова, поэтому я хочу выпить таблетку и прилечь.

– Когда вы шли в медпункт, вы видели кого-нибудь в коридоре?

Вишенская нахмурила брови.

– Если честно, я не очень хорошо помню. Это важно?

– Это может быть важно. Постарайтесь, все-таки вспомнить.

Вишенская сосредоточенно потерла лоб рукой.

– Кажется, я видела Сашу в куртке и шапке... Да, точно, он как раз выходил из вашего кабинета. Я еще обратила внимание, что он какой-то заросший. Видела Антонину Федоровну – начальника отдела кадров, она с чайником к себе заходила. Больше, по-моему, никого.

– Скажите, Светлана Васильевна, у вас в последнее время ключи не терялись?

– Ключи? – Вишенская недоуменно нахмурилась.

– Извините, не уточнила. Ключи от приемной и кабинета Изольды Викторовны.

– Нет, не терялись. Я их везде с собой ношу. Привычка, – она вымученно улыбнулась.

Инга попыталась вспомнить, все ли она узнала из того, что хотела, и вспомнила.

– Еще один, самый последний вопрос. Когда вы последний раз видели бронзового тигра в кабинете у Алиевой?

– Я не могу ответить вам точно на этот вопрос. Не помню. Но вчера я точно не могла его видеть – в ее кабинет я ни разу не заходила.

– Понятно. Спасибо вам. Я знаю, как неприятно вам все это выслушивать.

– Это вам спасибо. И... удачи.

На сей раз Инга благодарить не стала, лишь сдержанно кивнула и вышла.

Требовалось поразмыслить. Ничего обнадеживающего или хотя бы заслуживающего внимания она не узнала и ни на сантиметр не продвинулась вперед в своих догадках. Получа-

лось, что Вишенская провела целый час в закрытом изнутри помещении, и подтвердить ее алиби никто не сможет, даже Петр Иванович, открывший ей дверь. Она прекрасно могла выйти оттуда в любое время, а главное, если бы она даже возвращалась в приемную, и кто-то увидел ее в этот момент, это вряд ли привлекло бы внимание – заместитель директора забегают и выбегают из приемной по двадцать раз в день. Ко всему прочему, там находится ее собственный кабинет. Так что возможный факт посещения ею рецепшн мог даже не запомниться кому-либо из возможных свидетелей.

Инга взглянула на часы. Без двадцати два. Можно еще успеть пообщаться с Аней. Когда она выходила от Вишенской, Ани в кабинете все еще не было. Инга помыла чашку из-под кофе и снова пошла в приемную.

Аня сидела на своем месте и глаза у нее были радостные. Инга не очень поняла, чему можно радоваться в сегодняшней ситуации, но это все равно было хорошо, потому что Инге требовалось расспросить Аню, а перед обедом у той было скверное настроение, и это вряд ли бы помогло беседе.

– Ты чего такая довольная? – с улыбкой спросила она у Ани.

– Я вообще очень жизнерадостный человек, – весело ответила та, – ты просто зашла? Или что-то хотела?

– Просто. Просто пообщаться.

– Ин, мы с тобой дружим Бог знает сколько лет. Даже вспомнить неприлично. Я по тебе сразу вижу – просто ты пришла или со смыслом. Вот сейчас ты хочешь у меня что-то спросить, но не знаешь, с какой стороны подойти. Спрашивай, пока у меня настроение хорошее.

– Ну, ты телепат! – восхищенно сказала Инга и устроилась в кресле, чтобы их глаза находились на одном уровне. – Если честно, я хотела расспросить тебя о вчерашнем дне.

– Ну, ты снова? – немного расстроилась Аня.

– Всего пару вопросов! – Инга молитвенно сложила руки.

– Ладно, давай свои вопросы, следовательно доморощенный.

– Ты ко мне вчера около часа пришла, помнишь?

– Еще бы. И?

– Уходила, по-моему, около половины второго. Ты сразу к себе пошла?

– Да, к себе. Я же тебе говорила – мне печатать распоряжение нужно было.

– Вчера ты говорила – приказ. – Инга сощурила глаза.

– Ин, ну какая разница – приказ или распоряжение? – моментально раздражаясь, произнесла Аня, – ты что, не веришь мне, что ли?

– Верю, верю. А к тебе заходил кто-нибудь после того, как ты вернулась в приемную?

– Я закрыла дверь, чтобы не паштали в обеденный перерыв. Ты же знаешь, у всех всегда появляются дела в это время. А я хотела поработать в тишине.

– А после обеда?

– Ну, в два часа я открыла дверь, и вскоре пришел Сапронов. Посидел, мы поболтали, я ему сделала кофе.

Инга внимательно вглядывалась в лицо подруги. Что-то было не так. Она не могла понять, что, но почему-то чувствовала, что Аня говорит неправду. Почему? Подумаешь, заходил Сапронов, посидел. Если она с ним флиртowała – а это вполне вероятно, то зачем скрывать это от Инги, которая и так в курсе всех событий? Или не всех?

– А он... приходил к Изольде?

– Ну, наверное, он не сказал. Заявил, что у него на сегодня дел больше нет, и он подождет до четырех часов здесь, в Академии. А в четыре, сама знаешь, должен был быть фуршет. – Если раньше Инга еще сомневалась в том, что подруга говорит ей правду, то теперь была абсолютно уверена – врет. Прийти Сапронов мог только к Алиевой, больше он ни с кем в Академии не общался. Не застав ту в кабинете, он наверняка должен был спросить у Ани, где она нахо-

дится, и не получив вразумительного ответа, самостоятельно ей позвонить. К тому же, какой смысл сидеть в приемной целых два часа до фуршета? Странно как-то. «Хотя, – вдруг подумала Инга, – вполне может быть, что он звонил своей пассии, а та уже не могла снять трубку по одной простой причине – была мертва». Аня могла этого не видеть – вряд ли бы он планировал личный разговор в присутствии секретаря. Логичнее предположить, что для этого он вышел бы в коридор. Кстати, это был еще один вопрос, ответ на который Инга даже не предполагала, где можно раздобыть – были ли на телефоне Алиевой входящие звонки до часу дня и после. Это тоже очень помогло бы ей, ведь для чего-то она пошла в эту аудиторию. Но она прекрасно понимала, никто ее любопытство в этом вопросе не удовлетворит – даже и думать нечего.

Потом у нее появилась некая идея, которую она основательно обдумала со всех сторон. У идеи было много прорех и изъянов, как в головке швейцарского сыра, и Инга уже хотела отказаться от нее, но потом решила, что повременит. Нужно использовать все возможности, и для этого ей понадобится известный писатель и бизнесмен Матвей Серебрянский.

Во второй половине дня Инге все-таки пришлось создавать видимость работы, потому что резвые скакуны-мысли своим громким топотом напрочь распугали рабочий настрой.

Часа в четыре заходила главбух, чтобы прояснить какие-то финансовые вопросы со Звонаревым, который, судя по всему, никакую видимость не создавал, а самым натуральным образом работал. У Инги промелькнула, было, мысль поговорить с бухгалтершей, которая тоже вчера присутствовала в Академии, но она быстро отказалась от этой затеи, поняв, что момент неподходящий и вообще, слишком маловероятно, что та станет с Ингой эту тему обсуждать.

Короче говоря, Инга решила сегодня никаких действий не предпринимать, и сначала попробовать осуществить свою почти нереальную идею с Матвеем, которого хотела попросить о помощи.

***

За окном стемнело, и, глянув на часы, Инга увидела, что уже без семи шесть. Она навела порядок на рабочем столе, выключила компьютер, вежливо попрощалась с шефом и вышла из кабинета. В коридоре царил приятный полумрак, тут и там хлопали двери и слышались радостные голоса – сотрудники уходили домой. Инга заглянула к Ане, но увидев, что та разговаривает по мобильному, прощально махнула ей рукой. Аня в ответ улыбнулась, и, увлеченно разговаривая по телефону, тоже помахала ей в ответ.

Инга вышла на улицу. Снег не шел, в небе светились ранние звездочки. Видимо к вечеру ударил мороз, потому что Инга сразу почувствовала, как покалывает щеки, и воздух на вдохе казался колючим, как ежик. Снег приятно хрустел под ногами.

Ее ожидал сюрприз. Возле входа Академия хорошо освещалась, но дальше – в сторону дороги и стоянки для машин, было темновато. И она не сразу увидела знакомый джип. Впрочем, его она заметила лишь тогда, когда увидела, что в ее сторону от этого самого джипа идет Матвей. В его руках был большой букет из роз какого-то потрясающего фиолетово-белого цвета. Он подошел и Инга, совершенно не ожидавшая такого поворота событий, внезапно растерялась.

– Добрый вечер, – сказал он, – это вам. – Он протянул цветы Инге. Она пробормотала какие-то благодарственные слова, и ей почему-то вспомнился летний теплый вечер чуть больше полугода тому назад.

...Инга, уставшая после тяжелого трудового дня вышла на улицу. У входа в Академию ее ждал Алексей. В его руках было несколько традиционнокрасных роз. Инга, счастливая, расцеловала Алексея, и они поехали в недорогой ресторан. Дорогой Алексей себе позволить не мог, но для Инги это было совсем не важно. Все было очень чинно, очень красиво и благородно, несмотря на отсутствие вечернего платья – Алеша сказал, что Инга выглядит потрясающе в своем темном деловом костюме, поэтому нет никакой необходимости заезжать домой и пере-

одеваться. В этот романтический вечер он предложил ей поездку на море. Не Бог весть что, не заграница, а наше теплое Азовское море. У него были забронированы места в отличную прибрежную гостиницу с бассейном, питанием и всеми удобствами.

И они правда поехали. И оказалось, что совсем не нужно лететь в далекие теплые страны – здесь, под горячим июльским солнцем, рядом с ласкающим кожу морем и любимым мужчиной под боком, был настоящий рай. Утром был уединенный завтрак на двоих, пляж, море, втирание масла для загара в разгоряченную солнцем кожу, а вечером прогулки по побережью, коньяк и уютный номер в гостинице. Номер был очень простой и его единственным и, пожалуй, самым важным достоинством, была огромная дубовая двуспальная кровать – то, что нужно для молодых счастливых влюбленных. Алеша очень ласково называл ее – звездочкой. И это тоже было счастьем.

Отгуляв отпуск, половину из которого они провели на море, Инга вернулась на работу. Но счастье, привезенное вместе с загаром и ощущением жгучего белого песка под ногами, начало медленно таять. Прошло не больше месяца и их отношения изменились. Нет, со стороны Инги все было по-прежнему – безграничная любовь, забота, преданность, тапочки в зубах к приходу ненаглядного, вкусный ужин и прочее. А вот Алексей изменился. Он не грубил, не хамил, но начал все чаще задерживаться на работе, появились дела по выходным, с работы он возвращался сытым и за стол, красиво сервированный заботливой гражданской супругой не садился. Проблемами и достижениями делиться перестал, и Инга даже физически чувствовала, как Алексей начал от нее отдаляться. В конце сентября у Инги появилась необходимость поехать в командировку. В соседнем городе проводилась научная выставка, участие в которой от Академии Инга должна была организовать. В приглашениях что-то напутали с датами и вся группа, участвовавшая в этом мероприятии, вернулась домой раньше на целые сутки. Очень уставшая, и, как всегда после таких командировок, вымотанная Инга торопилась домой. Было утро субботы, и она очень рассчитывала, что Алеша окажется дома – она страшно соскучилась по нему. Открыв дверь ключом и скинув с плеча тяжелую дорожную сумку, она собралась было крикнуть «Алеша, я дома!», как вдруг услышала приглушенные голоса и смех. Алеша действительно оказался дома. Но не один. Крик замер на ее губах. Она прошла по коридору к их спальне и открыла дверь. Все получилось, как в старом пошлом анекдоте, но Инге совсем не было смешно. В своих воспоминаниях она снова и снова переживала те же боль и унижение, что и в тот злополучное субботнее утро. Ее бесценный Алеша страстно сжимал в объятиях какую-то молодую крашеную блондинку, которой на вид Инга не дала бы и восемнадцати. Она даже слышала, как он называл ее – звездочка. Инга ничего не сказала. Она просто стояла и смотрела, не веря своим глазам. Где-то в душе что-то рушилось, а Инга почему-то мысленно повторяла «не со мной, не со мной». Они ее, наконец, заметили и срочно начали одеваться. Гражданский муж с удивленно-смущенным видом, а его блондинка, очень напоминавшая Инге пуделиху – с легким отвращением и презрением. Пуделиха быстро ушла, а с Алексеем они даже поговорили. Правда, разговор вышел односторонним. Его и разговором-то нельзя назвать – так, монолог. Алексей что-то пробормотал о том, что «давно хотел сказать» и «не решался», что теперь «все и так понятно» и «он уходит». Инга все время молчала и смотрела в окно – перед ее глазами все стояла эта непристойная сцена в их с Алексеем постели, на их диване, на котором столько всего было...

Все эти воспоминания ураганом пронесли в ее голове. Другие цветы, другой мужчина, и, пожалуй, ощущения, тоже совсем другие.

Она подняла глаза на Матвея, но мыслей ее они не выдали.

– Спасибо большое. Очень красивые цветы. Такой необычный цвет!

– Я рад, что они вам понравились. Давайте, я вас подвезу?

– С удовольствием, – улыбнулась Инга, и они пошли в сторону его машины. Сотрудницы, в это же время выходявшие из Академии, многозначительно переглянулись и начали шушу-

катся между собой. Инга, не замечая этих взглядов и не оглядываясь, красивой походкой, и с гордо поднятой головой шла рядом с Матвеем.

Машина привычно подмигнула Инге, и она подмигнула ей в ответ. Спустя несколько минут они уже ехали.

– Инга, я хотел бы пригласить вас поужинать.

Инга ожидала чего-то подобного, и все равно приятно удивилась.

– Спасибо за приглашение. Но, если честно, я очень устала сегодня.

– Понятно, – коротко сказал Матвей, а Инга добавила:

– У меня есть к вам встречное предложение. Если мы заедем за тортиком, то я с удовольствием приглашу вас на чай.

– Идет, – усмехнулся Матвей и притормозил возле супермаркета.

Они выбрали очень красивый торт с экзотическими фруктами и поехали к Инге. «Хорошо, что я порядок навела, – подумала она, впуская в квартиру своего гостя. – Иначе он мог бы испугаться и убежать».

Инга поставила чайник и принялась разрезать торт. Матвей следил за каждым ее движением. У нее была ровная спина, узкие плечи и круглая упругая попка. Непослушный рыжий завиток, который она время от времени заправляла за ухо, волновал его ужасно. Взгляд сосредоточенный, губы плотно сжаты. Интересно, о чем она думает? Матвею очень хотелось схватить ее и прижать к себе, чтобы эти упрямо сжатые губы открылись ему навстречу, запустить руку в эти волшебные густые рыжие волосы, почувствовать тепло и аромат ее тела. Они разговаривали на какие-то совершенно отвлеченные темы, но казалось, что думают они об одном.

– Может, перейдем на «ты»? – спросил он, изо всех сил стараясь не пялиться на нее.

– Давайте, – улыбнулась Инга.

– Скажите... Точнее, скажи... у тебя есть кто-нибудь? – спросил Матвей, и Инге показалось, что он напрягся.

– Почему... вы... ты спрашиваешь?

– Ну, если бы я был таким Дон Жуаном, то, пожалуй, ответил, что у такой красивой и обаятельной девушки обязательно должен кто-то быть, – он усмехнулся, – но я скажу прямо – ты мне очень нравишься, поэтому ответ на этот вопрос для меня важен. – Матвей умолчал о том, что, хотя это и было важным, но в сложившейся ситуации абсолютно не имело никакого значения, потому что он собирался добиваться ее, несмотря ни на что.

Инга насмешливо приподняла правую бровь и налила ему в кружку чаю.

– Ну, если бы я поддерживала твою игру, то, наверное, поводила бы тебя за нос, не говоря ни да, ни нет, – глаза ее смеялись. – Но поскольку от игры мы отказались, то отвечу тебе честно – нет, сейчас у меня никого нет.

Инга положила им по куску торта на блюда.

– А... недавно был? – осторожно спросил Матвей.

– Был, не был, какая разница?

Она налила чаю себе и села за стол.

– Пожалуй, никакой. И все-таки?

– Ну, мне ж не пятнадцать лет, конечно был.

– Почему вы расстались?

Неожиданно для самой себя Инга призналась:

– Он мне изменил.

– Извини... Тебе неприятно об этом вспоминать?

– А как ты думаешь?

– Может, тебе станет легче, если расскажешь?

– Вряд ли. – Инга пожала плечами. – Да и рассказывать особенно нечего. Жена возвращается из командировки, а муж с любовницей. – И угрюмо добавила – Классика.

– Сволочь, – кратко и содержательно выразился Матвей.

Инге вдруг стало жалко себя. Воспоминания, которые она тщательно отгоняла от себя, накрыли ее с головой. На глаза навернулись слезы.

Матвей, внимательно наблюдавший за ней все время, вдруг встал, взял ее за руку и притянул к себе. От неожиданности Инга даже не сопротивлялась. Одна его рука легла чуть ниже спины, другая на затылок, и он нежно и властно прижался к ее губам. Инга обалдела. Пожалуй, еще никогда раньше она не испытывала ничего похожего. На его шее, где ворот рубашки был расстегнут, дрожала жилка и Инга неуверенно провела по ней пальцами. Кожа была горячей и напряженной, как струна. Страстный поцелуй длился не более минуты. Наконец они оторвались друг от друга и сели по разные стороны стола, глядя друг другу в глаза. Инга провела рукой по губам.

Она почему-то была не готова к такому резкому повороту событий, хотя Матвей был ей совсем не безразличен. Зато абсолютно и полностью позабыла о том, что только что вспоминала свою печальную историю.

Наступили неловкая пауза, и Инга решила прервать ее, поговорив, наконец, с Матвеем о том, что ее волновало.

– Послушай... мне очень нужна твоя помощь, – сказала она и поковыряла ложечкой в куске торта на своем блюде – кусок не лез в горло.

Матвей пристально взглянул ей в глаза.

– Помощь?

– Да, я хочу сама разобраться с тем, что произошло у нас в Академии.

– Как разобраться? – не понял Матвей. Он все еще не мог отойти от их внезапного поцелуя. Он с трудом справился со своим желанием, понимая, что слишком торопит события. Пальцы, державшие чашку, слегка дрожали.

Инга вздохнула.

– Я хочу выяснить, кто убил Алиеву.

– Но этим занимается милиция.

– Я знаю, но ведь они пока ничего не нашли. И, честно говоря, я сильно сомневаюсь, что найдут.

– Почему?

– Матвей, они не знают нашу «кухню». К тому же, есть еще менталитет. Они ни от кого ничего не добьются!

– Ладно, – Матвей был предельно спокоен. – Скажи, какая помощь требуется от меня?

– Мне нужны показания всех сотрудников Академии, находящихся в ней с часу и до обнаружения... труп.

От изумления у Матвея даже брови полезли вверх.

– Ты думаешь, что говоришь?

– Матвей, мне, правда, очень неловко тебя просить об этом. Я все понимаю, и про подписку о неразглашении, которую ты наверняка давал, и про тайну следствия, но поверь, об этом никто не узнает! Я просто хочу использовать эту информацию для построения собственных логических цепочек и...

– Инга, ты даже не представляешь, о чем просишь. Не лезь туда, это очень опасно. Ты же неглупая женщина – ты видишь, как было организовано это убийство, с какой жестокостью и цинизмом! Ты что, хочешь, чтобы тебя нашли где-нибудь в туалете с проломленным черепом?

Инга побледнела, но ответила спокойно и терпеливо:

– Я буду очень осторожна. У меня брат оперативник, он кое-чему меня научил.

– Послушай. – Матвей тоже был на грани. На лбу выступили крошечные капельки пота. – Я. Не стану. Тебе. Помогать. Более того, я запрещаю тебе лезть на рожон и подвергать себя опасности.

– Да здравствует мужской шовинизм! – Инга воздела руки к небу. – Запрещает он мне! Спасибо, конечно! Но, скажи, пожалуйста, кто ты такой, чтобы мне запрещать? Я... я дала слово, и я докопаюсь до истины. С твоей помощью или без нее!

Матвей сверлил ее взглядом, губы его искривились в угрюмой усмешке:

– Женская логика и здравый смысл вещи несовместимые. – Сказал он и вышел из кухни. Через минуту хлопнула входная дверь и наступила тишина.

Инга рухнула на стул и постыдно заревела. Она все испортила. Или это он все испортил? Теперь это уже не важно. Все плохо, плохо! Не нужно было его ни о чем просить! Ведь она совсем его не знает! Эта просьба... этот поступок был глупым и опрометчивым.

Инга долго всхлипывала, размазывая тушь по лицу, но потом успокоилась. Она пошла в ванную, умылась и посмотрела на себя в зеркало – глаза опухли, лицо красное. Зато волосы красиво лежат.

Она вышла из ванной и вернулась на кухню. На столе стоял недопитый чай и начатый торт. Вообще, Инга не позволяла себе есть сладкое – берегла фигуру, но сейчас ей было так грустно, что она решила, что от одного раза не потолстеет. Она съела свой кусок, а потом, подумав, и кусок Матвея, к которому он даже не притронулся. Помыла чашки, оставшийся торт сунула в холодильник и задумалась. Пожалуй, не стоит рубить с плеча, все еще может измениться. Зря она разоралась, ведь он, с его точки зрения, прав. К тому же, наверняка, не хочет подставлять друга, который разрешил ему стенографировать на дознании. Ведь кто она ему в сущности – никто, случайная знакомая. При воспоминании о поцелуе, у случайной знакомой покраснели щеки, и стало горячо в животе. Она запретила себе об этом вспоминать.

Стоило обдумать план действий на завтрашний день. Но совсем не хотелось ни о чем думать. Инга приняла решение позвонить маме. Во-первых, они несколько дней не созванивались, а во-вторых, после разговора с мамой ей всегда становилось легче на душе и как-то спокойней.

Она пошла в комнату, устроилась с телефоном на диване и набрала знакомый номер. Трубку долго не снимали, и Инга скользнула взглядом по часам – не поздно ли она звонит. Оказалось половина девятого. И тут она услышала мамин голос.

– Мам, привет.

– Привет, дочь, как ты? Как у тебя дела?

– У меня... все в порядке. А вы там как?

– Папа на срочной операции в больнице, а я телевизор смотрю. Я тебе звонила вчера около десяти, но ты трубку не брала. Ну, я не стала названивать, подумала, может ты пораньше спать легла – ты ведь устаешь после работы.

– Да, мам, я спала уже, – Инга решила не волновать маму рассказами о своих происшествиях. – Как ты себя чувствуешь?

– Более-менее, дочь, устала только. Сегодня пять пар было.

Мама Инги преподавала в Экономическом Университете психологию и еще две смежные дисциплины. Папа Инги был хирургом, очень неплохим и имеющим хорошую репутацию. Дома его видели редко, гораздо чаще его можно было увидеть в операционной. Вячеслав Денисович Стрельников очень долгое время проработал в районной больнице. Оба родителя получали не слишком высокую зарплату, но несколько лет назад отца, как отличного специалиста, пригласили в частную клинику и финансовые дела в семье Стрельниковых пошли на лад. Отец купил хорошую иномарку, о которой давно мечтал, семья сменила небольшую двухкомнатную квартиру на добротный двухэтажный дом в центре города. Инга очень любила этот дом. Быть может, оттого, что там жили родители – самые близкие и родные ей люди – там было очень уютно, и она всегда отдыхала там душой. И несмотря ни на какие обстоятельства, старалась бывать там каждые выходные.

– Я очень соскучилась, мамочка. Хочется увидеться.

Голос мамы, и без того очень мягкий и нежный, потеплел еще больше:

– Мы тоже, милая. Приходи обязательно на выходных. Вадик звонил, они с семьей к нам тоже собираются в субботу. Устроим маленький семейный праздник.

– Ух-ты, здорово, – обрадовалась Инга. – А чего они решили прийти? Тоже соскучились?

– Вадим с папой что-то обсудить хотел, ты же знаешь, они редко просто так приходят. Но это отличный повод увидеться.

– Согласна. Ладно, мамуль, передавай папе привет.

– Передам. У тебя все в порядке? Голос у тебя какой-то печальный. – В голосе матери послышалась тревога.

– Все хорошо, мам. Правда. Просто устала немного. Спокойной ночи вам.

Они попрощались, и Инга положила трубку.

Утром следующего дня во всеобщей суматохе работы не было – в одиннадцать поехали на кладбище – хоронить Изольду Викторовну Алиеву. Приехали уже под вечер. Инга страшно вымоталась. Она вообще плохо переносила подобные мероприятия, а тут еще и очень замерзла. Народу было немного. Кроме сослуживцев – человек пятнадцати, были еще родители Алиевой – пожилая ссутулившаяся от горя женщина в норковой шубе и сухошавый высокий мужчина в шляпе, да несколько незнакомых Инге молодых людей, стоявших в сторонке – может, студенты?. Почему-то все затянулось, Инга куталась в свою дубленку – ветер, пронесившийся между оградками и несший мелкий колючий снег, пробирал до костей. Инга вдруг подумала, что копать окаменевшую от мороза землю, наверное, было очень непросто.

Потом ездили поминать в небольшое, но уютное кафе, заказанное заранее. Инга немножко выпила и ее после мороза неожиданно развезло. Она вызвала такси и быстро и незаметно ушла, не привлекая к себе внимания.

***

Матвей Серебрянский встал рано. Нужно было сделать немало дел. Он быстро позавтракал, выпил чашку кофе, встретил домработницу, которая сегодня немного задержалась, и уехал в офис.

Проезжая мимо Юридической Академии, он моментально вспомнил вчерашний разговор с Ингой. Ее упрямство его просто взбесило. Пожалуй, его больше задело даже не то, что она не слишком думала о тех неприятностях, которые могли бы ожидать его в случае утечки информации, сколько ее безответственное отношение к собственной безопасности. Да нормальная женщина со здоровым чувством самосохранения должна была бы не только не лезть в самое логово опасности, а вообще держаться подальше от этого дела, и, по возможности, знать поменьше, чтобы не влипнуть в историю. Что ему делать теперь, он не знал. С одной стороны, потакать ей в ее сумасбродном упрямстве Матвею категорически не хотелось, а с другой, он сильно подозревал, что она от своего не отступится и, скорее всего, в ближайшем будущем ему придется за нее поволноваться. Он сам не понял, в какой момент она стала дорога ему. И относится с безразличием к тому, что с ней может что-то произойти, он не мог.

Матвей подъехал к офису и его мысли переключились на решение ежедневных вопросов. Об Инге он на некоторое время позабыл.

***

Секретарша Людочка мило улыбнулась начальнику. Он отметил, что у нее новая прическа и его это разозлило. Она так старалась понравиться ему, что это уже начинало раздражать.

– Доброе утро, – поздоровался он сухо. – Сделайте мне кофе и соедините с Волковым, – сказал он и, не останавливаясь, прошел в кабинет.

Он снял пальто и, повесив его в шкаф, сел за свой стол. Через минуту позвонил телефон и Матвей, сняв трубку, услышал голос Волкова.

– Здорово, Сан Саныч!

– И тебе не болеть, Матвей Андреич, – степенно ответили из трубки.

– Как дела у нашей доблестной милиции?

– Да все путем, все путем. А ты как? Трудисься?

– Тружусь помаленьку. Я тут подумал, может, встретимся вечерком?

– Дай подумать... – Волков зашуршал блокнотом. – Давай, сегодня у меня особенных планов на вечер нет.

– Отлично, тогда вечером пообщаемся. На нашем месте, скажем, около девяти?

– Договорились. Отбой.

Волков Александр Александрович был подполковником милиции, а еще бывшим одноклассником Матвея. Они дружили уже много лет, и, несмотря на занятость, друг о друге не забывали и регулярно встречались. Сан Саныч предпочитал баню, а Матвей ресторан, но они всегда приходили к консенсусу, чтобы никому не было обидно. Хотя, пожалуй, «обидно» не слишком подходящее слово для двух состоявшихся мужей почти сорокалетнего возраста.

Именно ему Матвей был обязан возможностью побывать на настоящем расследовании.

Людочка занесла кофе, а заодно и папку с документами. Кофе трепетно поставила перед носом у Матвея, обдав его густым запахом сладковатых духов, от чего у Матвея сразу зачесалось в носу, и он поморщился. Папку заботливая секретарша предусмотрительно положила на край стола.

– Матвей Андреевич, хотела вам напомнить – у вас сегодня в два встреча с Клинеевым в ресторане «Триумф», – сладко сообщила она.

Матвей посмотрел на нее исподлобья, кивнул, отпуская и, дождавшись, пока за секретаршей закроется дверь, с наслаждением отхлебнул огненный кофе. Что-то, а кофе она варить умеет, этого у нее не отнимешь.

Матвей быстро просмотрел содержимое папки, благо она была не слишком толстой – после праздников работы было немного. День потек своим чередом. В десять Матвей Андреевич провел небольшую планерку, затем принял несколько звонков, а в обед уехал в «Триумф» на встречу с деловым партнером.

День прошел плодотворно и Матвей с чистой совестью покинул свой офис. Заехав домой, чтобы переодеться, около половины девятого Матвей отправился в небольшой тихий ресторанчик неподалеку от центра, где они обычно встречались с подполковником.

Сан Саныча на месте еще не было, и Матвей заказал кофе с коньяком. Отпивая по маленькому глоточку, он думал об Инге. Где она, что делает? Вообще, что она о нем думает? Она с такой страстью ответила на поцелуй, что он почти не сомневался в ее взаимности. Большого значения их ссоре он не придавал, да и ссорой, по большому счету их разговор не считал, так, небольшой спор.

И все же его очень беспокоил этот самый спор, точнее, не он сам, а его последствия. Станет она затевать расследование или не станет? Десять к одному, что станет. Упрямая... Почему-то думать об этом было приятно.

Наконец, прибыл Волков. Матвей увидел его сразу. Волков держался очень уверенно, шел прямо, и слегка прихрамывал на левую ногу. Когда-то его неудачно зацепило пулей.

– Здорово, Саня!

– Рад видеть тебя, Матвей!

Они крепко пожали друг другу руки и сели за стол.

– Эх, давно мы с тобой не виделись. Пожалуй, месяц уже...

– Да, все работа, работа... Ты и сам знаешь.

– Знаю, у самого сегодня тяжелый день был.

Матвей подозвал официанта, и они сделали заказ. Выпив по пятьдесят, они закусили и завели беседу. Благо, им всегда было, о чем поговорить.

Наконец, Матвей задал интересующий его вопрос.

– Слушай, а как там продвигается расследование?

Волков нахмурился.

– Какое?.. Ах, это. Ты имеешь в виду убийство этой директорши Академии?

– Да.

– Да пока не особенно продвигается. – Волков сунул в рот кусок мяса.

– Есть подозреваемые?

– Пока только замдиректора. Вишенская, если не ошибаюсь. У нее был мотив. Они постоянно конфликтовали, к тому же она, по-моему, еще и на ее место метила. И алиби у нее нет.

– Ей будет предъявлено обвинение?

– Сейчас я не могу тебе гарантировать, что оно будет предъявлено и через месяц. Недостаточно доказательств.

– А другие варианты? – Матвей налил им еще по пятьдесят.

– Теоретически многие могли это сделать. Секретарша, например. У нее алиби нет, и ключи есть. Но нет мотива. Кстати, эксперты определили, что с ее ключей делался дубликат. Хотя самого дубликата не обнаружили.

Этот тоже, как его... Сапронов, ну, хахаль Алиевой. У него тоже алиби не имеется. Но опять-таки, какой смысл ему ее убивать? К тому же, мы к нему пока не можем применить никаких мер, он из этих. – Волков зачем-то показал пальцем на потолок. – Идем далее. Есть еще компьютерщик, который, как некоторые утверждают, неровно дышал к Алиевой. Тоже алиби не подтверждено. В общем, есть, над чем потрудиться. Еще знаешь наш народ – милицию видят, все в кусты. На вопросы отвечают, конечно, но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.